

НИКОЛАЙ
РЫЛЕНКОВ

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

ОТЧИЙ КРАЙ

1р.20к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

**Общественная
редакционная коллегия:**

ПОЛТОРАЦКИЙ В. В.
АКУЛОВ И. И.
АСТАФЬЕВ В. П.
ИВАНОВ А. С.
КАРЕЛИН П. А.
КРУТИЛИН С. А.
ЛОБАНОВ М. П.
НОСОВ Е. И.
ПЕТРОВ Е. А.
ЧАЛМАЕВ В. А.
ШУРТАКОВ С. И.

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

*Отчий
край*

Избранные стихотворения

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1977

P2
P95

Составитель **В. В. Дробышев**

P $\frac{70402-208}{M-105(03)77}$ 116—77

© Издательство «Советская Россия», 1977 г., составление.

О СЕБЕ

Детство мое прошло в глухой, затерявшейся среди дремучих лесов деревушке. До сих пор помню жестяную табличку, прибитую на углу крайнего двора: «Деревня Алексеевка, Тюнинской волости, Рославльского уезда, Смоленской губернии. Дворов 42. Душ мужского пола 133, женского 181. До села Тюнина 12 верст, до города Рославля — 48».

Деревня называлась Алексеевкой только по казенным бумагам, а в народе ей дали свое название: Ломня, Корчевка тож.

Дело в том, что при крепостном праве, как говорит местное предание, наши мужики за какую-то провинность перед барином, графом Кочубеем, были переселены с Украины на лесную Смоленщину, сели на пнях и должны были, ломая спины, корчевать их.

Когда я вспоминаю детство, я вижу зеленую деревенскую околицу и поля, со всех сторон окруженные лесами.

В этих лесах мы, ребята, пропадали, бывало, с весны до поздней осени. Туда мы водили в ночное коней, там собирали ягоды, грибы, орехи, там драли лыжи для лаптей.

Родился я 2(15) февраля 1909 года в большой патриархальной крестьянской семье, где работали все — от детей до стариков.

Главой семьи в это время был мой отец, как старший из двух братьев. Дед умер незадолго до моего рож-

дения, а бабка и даже прабабка были живы, но, по деревенскому обычаю, в хозяйственный распорядок уже не вмешивались.

Хорошо помню прабабку: звали ее Катериной, и прожила она больше ста лет. В деревне ее считали колдуньей. В последние годы она жила отдельно от семьи, в старой избе, построенной еще в те времена, когда плотники обходились без пилы и рубили срубы одним топором. Избы тогда ставили окнами не на улицу, как теперь, а во двор, чтобы чужой глаз не мог в них заглянуть. Когда прабабка совсем слегла, мы, дети, должны были по очереди носить ей еду — завтрак, обед и ужин. Это для меня было немалым испытанием, особенно если выходила очередь нести ужин. Зажмурившись, я пробегал через темный двор, на цыпочках входил в сени и с замирающим сердцем открывал дверь в слабо освещенную лампадкой избу, готовый в случае чего броситься наутек.

Отец мой, один из немногих грамотных мужиков в деревне, смеялся над нашими страхами и никогда не разрешал старшим заменять нас, детей.

— Пусть убедятся сами, что никакая нечисть к бабке не приходит, что это одни бабьи сказки,— говорил он.

Я очень любил отца и, конечно, во всем верил ему, но тут я был больше склонен верить нашему соседу и однофамильцу Прокопу, который, сидя на завалинке, очень подробно, а главное, очень интересно рассказывал о ведьмовских проделках моей прабабки. По его словам выходило, что он чуть ли не сам видел, как в ночь под Ивана Купалу она вылетела на помеле из трубы, чтобы отправиться на шабаш, собирающийся на старой липе, что стоит у росстаней в лесу, на полдороге к Тюнину.

Умерла прабабка весной. Хоронили ее в какой-то

большой церковный праздник. Все кругом цвело. Погода стояла чудесная, какой, по народному поверью, никак не могло быть в день похорон ведьмы. И тогда соседи решили, что покойная Катерина была не злой, а доброй колдуньей, что она помогала, а не вредила людям.

Теперь уже трудно, почти невозможно представить, что в начале нашего столетия, за несколько лет до революции, были еще такие глухие углы, где люди верили в колдовство и нечистую силу. И однако, это не сказка, а подлинная правда. И, вспоминая эту правду, яснее видишь путь, пройденный нашей Родиной.

Смерть прабабки не очень поразила мое детское воображение, а начавшаяся вскоре война и совсем вытеснила ее из памяти.

Почти все молодые мужики ушли на фронт. В деревне остались только старики, женщины и дети. Отца моего, как белобилетника (у него было поражено одно легкое), в армию не взяли, но он тоже уехал из деревни, поступил в Бежице на военный завод.

Осенью 1916 года мы получили телеграмму, что он скоропостижно скончался.

Я никак не мог поверить в его смерть, может быть потому, что не видел его мертвым и все надеялся, что он вот-вот вернется домой. Но когда началась революция и стали возвращаться с фронта солдаты, а из городов, где остановились заводы, приезжать рабочие, я понял, что отца больше уже не увидать.

В 1918 году умерла бабушка, а вскоре за нею «испанка» унесла нашу мать.

Старшая сестра моя была в это время уже замужем. Потом вышла замуж и вторая сестра, а мы с младшим братом, который совсем не помнил отца, остались в семье дяди.

Дядя мой — Павел Федорович — был человек доб-

рый, мягкий до бесхарактерности и совершенно безалаберный. В детстве он сломал себе левую руку, выбил два зуба, лицо его покарябала оспа, но все в нем скрашивало выражение ничем не истребимого добродушия.

Все соседи знали его страсть прихвастнуть, сочинить при случае небылицу, выдав ее за подлинное происшествие, однако, когда он начинал что-нибудь рассказывать, невольно верили ему и только потом спохватывались:

— А ведь опять присвистнул!

Язык у него был весьма своеобразный. Одно выдуманное им самим, а может быть, и услышанное у цыган, но по-русски совершенно бессмысленное слово «подшандрыкать» заменяло ему целые десятки слов, причем самых различных по значению.

Придя голодный домой, он говорил:

— Женка, дай-ка там чего-нибудь подшандрыкать.

И та понимала, что нужно собрать ему поесть. Если под руками не оказывалось какой-нибудь нужной вещи, он решал:

— Ну что ж, придется у кого-нибудь подшандрыкать...

И всем было ясно, что он пойдет одалживать у соседей.

К нам он относился очень хорошо, так же как и к своим детям, но жена его считала нас лишней обузой и не скрывала этого.

Я старался как можно меньше бывать дома и с весны до поздней осени пропадал либо в поле, либо в лугах. Но зимой деваться было некуда.

Когда слушать придирки тетушки становилось невозможным, я брал копыл, связку лык, совал за пазуху книжку и уходил к мирской бабке Лушке, которую за глухоту звали Глушкой. Жила бабка Лушка вдвоем с

сыном Федей, прозванным почему-то Хавой. Перед самой революцией Федя был призван в армию, получил контузию и вернулся домой. Летом он пас со своим старшим братом, жившим в отделе, деревенское стадо, а зимой плел лапти на продажу и на досуге ловил птиц — снегирей и щеглов. Несмотря на разницу в летах, мы с ним подружились. Их вросшая в землю избушка стояла на задворках. Федя учил меня плести лапти, но чаще всего мы занимались совсем другим делом: мастерили силки для ловли птиц, ставили приваду... Федя знал повадки каждой птицы, умел подсвистывать им, а это для меня было самое интересное.

Окончив начальную школу, я, по совету своей учительницы О. М. Моисеевой, решил поступить в школу второй ступени, которая после революции открылась в селе Тюнине, где была замужем моя старшая сестра. Дядя ничего против этого не имел, а тетка даже обрадовалась, что я хоть зимой буду жить не у нее, а у своей сестры.

— Ладно, пусть учится. Все равно в хозяйстве от него толку мало,— решила она.

Мне починили оставшиеся после матери сапожки, справленные ей еще к свадьбе, и я отправился в Тюнино.

«Тюнинские» годы были самыми счастливыми годами моего отрочества и ранней юности.

Школа находилась в бывшей барской усадьбе с большим садом и парком. За окнами шумели липы старинной аллеи, протянувшейся почти на версту — от церкви до пруда с мельницей.

До революции там было высшее начальное училище, или, как говорили некоторые остряки, мужицкая гимназия, носившее имя последнего владельца усадьбы, ли-

берального помещика Пригодина, который на свои средства построил его и был попечителем.

В школьной библиотеке стараниями заведующего школой И. Г. Максимова были собраны книжные богатства из всех окрестных усадеб. Там можно было найти не только собрания сочинений классиков русской и мировой литературы, но и произведения почти всех пред-революционных писателей, прозаиков и поэтов.

Читал я запоем, нередко во вред учебе. Выручала меня только хорошая память.

Там зародились мои литературные интересы, сложились пристрастия. Там же я начал и писать, помещая стихи в ученическом рукописном журнале, каждый номер которого обсуждался на школьных собраниях.

Большое и благотворное влияние на формирование моего литературного вкуса оказал, как это ни странно, преподаватель химии Т. Х. Хрущев, заведовавший по совместительству школьной библиотекой. Он открыл мне Тютчева и Фета, а потом Бунина.

Вообще учителя в Тюнине, за редкими исключениями, были хорошие. Многие из них были загнаны в этот глухой уголок бурями гражданской войны и голодом.

В 1925 году, когда я окончил восьмой класс, наша школа была реорганизована в семилетнюю школу крестьянской молодежи, и мне, чтобы закончить среднее образование, нужно было куда-то переводиться.

Несколько выпускников нашей школы учились в Смоленском университете. С их помощью я и устроился там в одну из вечерних школ и начал посещать университетский литературный кружок. Жить мне было нечем, помощи ждать неоткуда, и во втором полугодии я вынужден был перевестись ближе к дому, в город Рославль. К этому времени в губернской газете

«Смоленская деревня» было напечатано одно из моих стихотворений.

Когда я в первый раз пришел в редакцию, встретили меня очень ласково, сказали, что стихи у меня интересные, но что это «чистая лирика» и напечатать их в газете невозможно. Попросили дать что-нибудь другое. Я ответил, что у меня все стихи такие.

— А вы напишите что-нибудь специально для нас,— предложил заместитель редактора.— Вот хотя бы о крестьянской взаимопомощи.

Я обещал подумать и через два дня принес стихотворение, которое тут же было одобрено и послано в набор.

Вот его начало:

День морозный, день такой хороший,
Путь вчера подладила метель,
Но у Марьи околела лошадь,
А у Марьи семеро детей.

Стихотворение это было далеко не лучшим из того, что я в то время писал, но, как мне сказали в редакции, оно было ближе к жизни. Однако я продолжал писать лирические стихи, переписывая их в отдельную тетрадь. Тетрадь эта не сохранилась, но кое-что оттуда я до сих пор помню наизусть. Это были наивные, но искренние стихи о родине, о родной природе.

Окончив десятилетку, я некоторое время работал в Тюнине волостным статистиком, а потом уехал в Брянскую губернию и устроился учителем начальной школы в селе Пупкове Дятьковской волости, одновременно сотрудничая в губернских газетах, где довольно часто появлялись мои стихи.

Заведовал школой милейший человек, более четверти века проработавший учителем. На уроках его можно было заслушаться, но... только в том случае, если он бывал трезв, а это случалось редко.

Когда приближались какие-нибудь праздники, он приходил ко мне и сообщал:

— Ну, Николай Иванович, теперь ты будешь заниматься один со всеми классами. Я загулял.

Случалось, что он по две недели не появлялся в школе.

Дотянув до конца учебного года, я уехал домой.

Там меня избрали сначала секретарем, а потом председателем сельского Совета. Работа в сельсовете в сложнейшей обстановке накануне коллективизации и во время самой коллективизации дала мне большой опыт, обогатила мое знание деревни, но рассказывать об этом нужно особо.

Живя в деревне, я поддерживал связь со смоленскими газетами через М. В. Исаковского, который внимательно следил за мной и по поводу чуть ли не каждого напечатанного мной стихотворения присылал длинные, обстоятельные письма.

Перегруженный самыми разнообразными впечатлениями, я писал много, но написанное все меньше удовлетворяло меня. Я даже перестал посылать свои стихи в редакцию и в 1929 году не напечатал ни одной строчки.

В 1930 году я поступил на литературное отделение Смоленского педагогического института.

В Смоленске, который в то время был центром Западной области, объединявшей нынешние Смоленскую, Брянскую и Калужскую области, а также часть Калининской и Новгородской, сложилась довольно силь-

ная писательская организация, начал выходить ежемесячный журнал «Наступление».

Усиленные занятия в институте не мешали мне принимать активное участие в литературной жизни города. Несмотря на путаные, вульгаризаторские рапповские «установки», мы, молодежь, не принимавшие этих «установок» всерьез, много и упорно работали над собой, очень придирчиво относились друг к другу и ни себе, ни товарищам не давали спуску.

Мои стихи стали появляться не только в местной печати, но и в некоторых московских изданиях — «Земля советская», «Новый мир».

Ко времени окончания института вышла в Запгизе моя первая книжка стихов «Мои герои», встреченная критикой весьма благожелательно.

В 1934 году я был принят в члены Союза писателей и избран делегатом на Первый Всесоюзный съезд писателей. В школе работать мне больше не пришлось: я ушел на редакционно-издательскую работу.

В годы Великой Отечественной войны был командиром саперного взвода, военным журналистом, работал в штабе партизанского движения. Много писал и печатался во фронтовой печати.

После демобилизации снова вернулся в Смоленск, где живу и до сих пор.

На моих глазах в этом древнем русском городе, превращенном фашистскими оккупантами в груды развалин, восстанавливался каждый дом, застраивалась каждая улица. Для меня он стал живой летописью трудового героизма моих земляков.

После войны я впервые серьезно взялся за прозу, к которой меня тянуло давно, и написал несколько повестей — «У разоренного гнезда», «Волшебная книга», «Великая Росстань», «На старой Смоленской дороге». Все

эти книги посвящены Смоленщине, ее прошлому и настоящему.

Большое место в моей работе всегда занимала лирика, в том числе и пейзажная лирика, но пейзажистом я себя никогда не считал и не считаю. Еще в юности мне запали в душу замечательные слова Бунина:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

В своей лирике я, в меру моих сил и возможностей, старался выразить именно эту «любовь и радость бытия» моих современников, людей труда, показывать все богатство их внутреннего мира.

За три с лишним десятилетия моей литературной работы я издал более двадцати книг стихов и прозы, но до сих пор продолжаю верить, что лучшие мои книги еще впереди.

Август, 1958

Н. РЫЛЕНКОВ

Стихи Николая Рыленкова не шумный водопад. Лучше всего их сравнить с чистыми ключами, прозрачной родниковой водой.

...ароматом хлеба ржаного, родных нив и дубрав пронизана для меня и вся поэзия Николая Рыленкова.

С. Коненков

* * *

Небо к ночи облаками пенится,
Свет-заря по межникам идет,
И поют, поют мои ровесницы,
Закликая милых в хоровод.

Каждый звук ловлю в родной сторонке я,
Принимаю сердцем каждый вздох!
Пусть меня подхватят песни звонкие,
Понесут над полем без дорог.

1924

* * *

Перепрели апрельские прели,
И, росу отряхнув с подола,
Заиграла Весна на свирели,
Птицам весть запевать подала.

1925

* * *

Сердце, сердце, не будь бестолковым,
Пей настой тополиный, пей!
По лугам моим и дубровам
Бродит юность, не спит ночей.

Я зову ее тихим словом
На просторы родных полей...
Сердце, сердце, не будь бестолковым,
Пей настой тополиный, пей!

1926

* * *

В васильковых очах июня
Я увидел, как мир широк.
Ты еще со мной, моя юность,
Но разлуки уж близок срок.

Пожелай же мне, щебетунья,
Всюду чуют твой ветерок...
В васильковых очах июня
Я увидел, как мир широк.

1926

* * *

Цвели кувшинки над водой,
Пестрели лютики на скате,
А я в тревоге молодой
Сказал «прости» отцовской хате.

Склонилась ива на межу,
И вскрикнул чибис, как от боли.
Я знал, что в город ухожу,
Но сердце оставляю в поле.

1926

ТОЛОКА́

День морозный,
День такой хороший,
Путь вчера подладила метель,
Но у Марьи околела лошадь,
А у Марьи семеро детей.

Вот два дня уж не топила печи,
Только что ж придумашь тут, что ж?
Все равно дровишек из заречья,
Как ведро воды, не принесешь.

Но глядишь — приметили соседи,
Где дымок не вился поутру,
И обоз с дровами едет — едет,
Правит прямо к вдовьему двору.

— Принимай, соседка, у колодца
Не роняй слезы из-под платка...
Здесь подмога издавна зовется
Добрым русским словом: толока́!

1926

Нынче ветер, как мальчишка, весел,
Спать не даст березке все равно.
Месяц кудри золотые свесил,
Улыбается в мое окно.

Месяц, месяц, хоть всю ночь не прячься,
Хоть до самой до зари свети,
Не поймешь ты — что это за счастье
В поле первой бороздой пройти,

Вторить звонким песням жаворонка
И кукушке отвечать на зов.
Край родной, любимая сторонка,
Все сказать — не хватит нежных слов!

1926

* * *

Перелески, зелены да пажити,
Соловьи полночные в гаю...
Песни, песни! Только вы расскажете
Про любовь сыновнюю мою.

Я вплету в вас перезвоны зорние,
Шелест трав и посвист косарей...
Где дороги шире и просторнее,
Чем под небом родины моей?

Так ступайте ж в пути! И если грозы
вам
Доведется встретить — не беда!
Верю я: в краю моем березовом
Вы друзей отыщете всегда.

1927

ИВОВАЯ ДУДОЧКА ПОДПАСКА

Млеет даль от солнечного взгляда,
Ветер льнет к любой травинке с лаской,
Целый день журчит, поет у стада
Ивовая дудочка подпаска.

Не устанет он в лугу зеленом
Вторить песней кликам журавлиным.
То не эхо катится по склонам,
А весна гуляет по долинам.

Пусть березкой притворилась Лада,
Вот встряхнется — и начнется сказка...
Целый день журчит, поет у стада
Ивовая дудочка подпаска.

1927

* * *

Я не знаю — близко иль далече
Ты коров с подругами пасла,
Помню только: вдоль села под вечер
Ты в венке ромашковом прошла.

За тобою в птичьих пересвистах
Пенилась зеленая река.
Перед взглядом глаз твоих лучистых
Расходились в небе облака.

Словно озаренный, в этот час я
Понял то, что было невдомек,—
Что свое везде найдешь ты счастье
И поднимешь гордо, как венок!

1927

* * *

В голубом дыму кусты сирени,
Это догорает грусть моя
О весне, что в ярком оперенье
Улетела в дальние края.

Предо мной открытая долина,
А вокруг хлебов и трав разлив.
Белым пламенем горит калина,
Все дороги лета озарив.

1927

* * *

Не достать ведерком из колодца
Ни живой, ни мертвой мне воды.
Значит, просто пой, пока поется,
Положи всю душу на лады.

Кто услышит песню — отзовется
И в ночи найдет твои следы.
Песня, коль она из сердца льется,
Животворней сказочной воды.

1927.

* * *

Заря в зеленых сумерках погасла.
То холодком, то вновь теплом пахнет.
Дымит овин, и смотрит через прясло
Накрытый тенью тополя омет.

Без грусти лето провожаю здесь я,
Светло горит в душе моей любовь,
Когда в полях, как новые созвездья,
Встают скирды высокие хлебов.

1927

НА ЛЫЖАХ НОЧЬЮ

На ресницах иней серебрится,
Побелели брови под луной.
Ветер злится, обжигая лица,
А кругом звенит простор сквозной.
Стынут звезды на плече твоём...
Ночь,
Поля,
И мы с тобой вдвоем.

Волны снега вздыбились с разбега,
Разметались брызгами слюды.
Отмечает голубая Вега
Легких лыж узорные следы.
Догоняй!
Согрела без огня
Ты своей улыбкою меня!

В синей шали ты не хороша ли,
Захочу — прижму тебя к плечу,
Оттолкну кусты, чтоб не мешали,
И опять за звездами лечу.
Ветром разделяющая двух,
Крутизна
Захватывает дух.

Разве поздно полночью морозной
След завить в серебряную нить,
Если сердцем молодость не роздана,
Если снег под лыжами звенит.

Стынут звезды на плече твоём...
Ночь,
Поля,
И мы с тобой вдвоем.

1927

ОТРЫВОК

В беспорядке жалось у откоса
Над речной излучиной село.
Там зимой снега лежали косо,
В мае густо вишенье цвело.

И смотрела из-под белой шали
Грусть-тоска соломенных трущоб...
Каждый год село опустошали
То пожар, то что-нибудь еще.

Помню я, как оклики трехрядки
Заглушал истошный бабий вой.
Разве ж можно жить нам без оглядки
На твое бывшее, край родной?

1927

КОНЬ

Метель клубится, словно пена,
Все застилая на дворе.
Хозяин снес охапку сена
Коню на утренней заре.

Зевнул и вспомнил о постели,
В избе тепло, в избе покой,
А тут ветрюга хлещет в щели,
А тут мороз стучит клюкой...

Конь поднялся, дрожа от стужи,
Чтоб хоть немного пожевать.
Ему становится все хуже,
Пропали молодость и стать.

Всю жизнь — в погоду, в непогоду —
Таскал он плуг, ходил в извоз.
А сил все меньше год от году...
Дождешься ль теплых вешних рос?

Уж челка спуталась мочалой,
Посекся хвост густой давно.
А был конем веселым Чалый,
Рвался, как зверь, услышав: но!

Как луг просторный, мир был светел,
Но все поблекло, отошло.
Хозяин, видно, не заметил,
Как поднялся он тяжело.

В глазах и мускулах усталость,
Вся кожа в складках — что гармонь.
Ждет человек тепла под старость.
Тепла и ласки просит конь.

Но на боках не шерсть, а иней,
Скользят копыта, как на льду...
И конь издох зарею зимней
На девятнадцатом году.

1927

* * *

Свежей пашней пахнут наши зори,
Только выйди в поле из села...
За сохой споткнулся дед Григорий,
И соха с ним вместе умерла.

На подтопку сын ее разрезал,
На помин судьбы отцовской сжег
И привез из города железный,
Новый, с маркой заводской плужок.

Сын свернул с наезженного тракта,
Где пылила вековая тишь,
А уж внук мечтает сесть на трактор,
И плужком его не удивишь.

1926—1928

Дни все ярче, но сентябрь хитер,
Знает он, когда нам стукнуть в окна.
Осень в роще разожгла костер,
А над нею вечер распростер
Туч закатных дымные волокна.

Журавли скликаются вдали,
Ветер к югу клекот их относит.
Я кричу: прощайте, журавли,
Расскажите морю, журавли,
Вы про нашу золотую осень.

Пусть узнает весь земной простор,
Как чудесен каждый уголок наш:
Шум лесов и тишина озер,
Разожженный без огня костер
И в зарю распахнутые окна.

1928

* * *

Русы косы заплетает осень.
Взгляд ее туманится слегка,
А на сердце — летних дней колосья,
Теплых зорь медовая река.

Думы, думы, в эту пору все вы
Собрались в мой неоглядный край,
Где шумят озимые посевы,
Предвещая новый урожай,

Где открыты пашни и покосы,
Все пути видны издалека...
Русы косы заплетает осень,
Взгляд ее туманится слегка.

1926—1929

ЛЕТО

I

Вот и лето на две половины
Расколосось яблоком, и вновь
Липкий запах меда и малины
Растворился в запахе хлебов.

В душной мгле последние зарницы
Распускает по полю гроза.
Чуть дохнет рассвет тебе в ресницы —
Ты откроешь ясные глаза.

Сразу сны, как легкие пушинки,
Улетят в открытое окно...
Не пора ли праздновать зажинки,
Первый сноп поставить на гумно?

День пришел тропинкой заревою,
Русый день в рубашке голубой,
И умылись яблони росой,
Покраснели вишни за избой.

Зашумели, птиц опережая,
Снам твоим девическим под стать:
— Все готово к сбору урожая,
Выходи на первую постать!

Видишь — день погожий да пригожий
Разогнал туман с окрестных троп,
В тишине зеленых придорожий
Будет ждать, кто первый свяжет сноп.

Ты не зря, как в праздник, наряжалась,
Стан косою русой обвила...
А во ржи рассеивали жалость
К поздним василькам перепела.

II

Зной все гуще, солнце все отвесней,
День спешит от лета не отстать,
И твои подруги с новой песней
Занимают новую постать.

Голоса летят по поднебесью,
То снижаясь, то взмывая вдруг.
Не заря ль сложила эту песню
Про твоих ровесниц и подруг.

С ней они с восхода до заката
Клали полновесные снопы.
Мимо проходившие ребята
Не хотели повернуть с тропы.

III

Не смолкает песня молодая,
Вечер тих, да ветер языкат.

Не тебя ли с поля поджидая,
Дед глядит на меркнувший закат?

Полыхают смутные зарницы,
На ветру бормочут провода,
А старик на тень свою косится
И считает в памяти года.

Старость, старость... Кажется, пора ведь
Отдохнуть под осень от трудов,
А ему лишь плечи бы расправить
Да стряхнуть десятка два годов.

Вот и внучка скоро оперится,
Все соседки ахнут: агроном.
...Провода бегут, летят зарницы,
Шепчутся березы под окном.

IV

В жнивный месяц август, как ведется,
По жнецам — и пахарю почет.
Дед тебя встречает у колодца,
На крылечко за руку ведет.

Шутит старый: — Отменила б ночь ты,
Если б знала, в чем ее секрет.
А тебе опять принес я с почты
Целый ворох писем и газет.

Только ночью читать нескладно,
Даже птицам время отдыхать.—
Ты махнешь рукой: ну, ладно, ладно,
Пусть скорей огонь засветит мать!

Соберутся девушки на роздых,
Разговор затеют между дел...
И вздохнешь поглубже, словно воздух
От росы шипучей загустел.

V

Стынет ужин. Лампочка, мигая,
Тесный круг сомкнула у стола.
— Расскажи, подруга дорогая,
Как без нас ты в городе жила.

Расскажи, чему тебя учили,
По каким путям тебя вели!

Как сестру, мы все тебя любили,
Восемнадцать весен берегли.

Каждый день поклоны посылали,
Чтоб тебе без нас не заскучать,
А когда сошла ты на вокзале,
Мы пошли на расстани встречать...

И текут, текут девичьи речи,
Только ночь туманная мала.
Сладко пахнет клевером и гречей,
А во ржи трещат перепела.

VI

Стол дубовый ломится от снеди,
И вздыхают, головы клоня,
За столом соседки и соседи,
Близкая и дальняя родня.

Пригорюнясь, мать сидит в сторонке,
Город ей страшней, чем темный бор.
Заблудиться долго ль там девчонке,
Все-то, старой, мнится до сих пор.

А подруги песню запевают:
— Прощевай до будущей весны.—
Возвращения скорого желают,
Их глаза ясны, хоть и грустны.

Не считая время по минуте,
Жнитво все припомнили опять.
Городским подругам в институте
Есть о чем при встрече рассказать:

Как легко вставала на рассвете,
Как ловила солнце у стрехи
И какие были в стенгазете
Про тебя написаны стихи.

1927—1930

С особой любовью пишет Н. Рыленков о родной природе. И конечно же, это не описания ради описания, это не мертвый пейзаж, а всегда нечто живое, яркое, действующее. В этих «пейзажных» стихах всегда присутствуют люди, их жизнь, их чаяния, их труд. Поэтому такие стихи всегда обогащают духовный мир читателя.

М. Исаковский

* * *

Стекает кровь зари на лед
Струей медлительной от стужи.
Но вот: серебряный налет
Подернул розовые лужи.

И ты сказала шепотком,
Меня дыханьем обдавая:
— Не тем ли самым холодком
Нам кровь остудит жизнь седая?

Что ж!
 Все идет своим путем,
Но ты гляди
 смелей и шире,
Чтоб не сказали нам потом,
Что мы прошли бесследно в мире.

Пока горит огонь в крови,
Есть в сердце нежность молодая,—
Мечтай,
 волнуйся и живи,
Работай
 рук не покладая.

1934

ПОСТОЯНСТВО

Проживу я зиму городскую
С добрыми знакомыми в ладу,
А весну почую — затоскую
И нигде покоя не найду.

Дождь пойдет, посевы поливая,
И начнет сводить меня с ума.
Вспомнится дорога полевая,
Что ложится под ноги сама.

Прoberусь полями и лесами,
Через реки переправлюсь вброд
В то село, где с карими глазами
Девушка веселая живет.

Ей, наверно, грустно на крылечке
Вечера просиживать одной,
Сквозь туман, поднявшийся от речки,
Уходить за дальнею луной

И, желанной встречи ожидая,
В тишине прислушиваться вновь,
Как бунтует в жилах молодая,
Гулкая, разымчивая кровь.

И, до хруста стискивая руки,
Запрокинет голову она,
Страстью, накопившейся в разлуке,
Словно соком яблоко, полна.

Перед ней, разделанное чисто,
Задымится поле от росы,
И четыре лучших гармониста
Для нее налягут на басы.

«Либо душу вымотай им, либо
Опадай, как вишня на юру».
А она сердечное спасибо
Скажет всем за добрую игру.

И вздохнут четыре гармониста,
Разорвать гармоники не жаль,
И никто не сможет похвалиться,
Что ее до дому провожал.

Через время, через расстоянье
Ей слышны признания мои.
Предвещая близкое свиданье,
Запевают в роще соловьи.

1935

К погоде купается месяц в пруду.
Я берегом звонким иду.
Вечерние тени не спутают шаг,
Челнок отыщу в камышах.

Веслом, как бывало, на месяц плесну —
Увижу другую весну,
Когда, покидая родные края,
Простился здесь с юностью я.

С тех пор исходил я немало дорог,
Но первую в сердце берег.
И вновь возвратился в родные края,
Где юность осталась моя.

Опять в челноке, как когда-то, плыву.
Зову мою юность, зову.
Все верится мне, что на том берегу
Ее разыскать я могу.

Все верится мне, что всю ночь напролет
Она меня ждет и поет.
Шумят камыши... Я челнок мой веду,
Веслом доставая звезду.

1935

Капель прозрачные кисти
Развесил по яблоням дождь,
И в птичьем взволнованном свисте
Горячая слышится дрожь.

Дорожка струится, как речка,
Тропинки ручьями журчат.
По мокрым ступенькам с крылечка
Сбежишь ты в очнувшийся сад.

В густые кусты у калитки,
Как в волны, нырнешь с головой,
Чтоб тут же намокнуть до нитки,
Обдавшись водой грозовой,

Всю щедрость почувствовать лета,
И то, что с тобой навсегда,—
И синь первозданная эта,
И эта живая вода.

А ночью, проснувшись в постели,
Мечтать до рассвета о том,
Что птицы тебе насвистели,
Что сказано было дождем.

1935

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Ты проходишь по лугу, Елена,
До земли касаешься едва,
И твои высокие колена
Обвивает мягкая трава.

Ты проходишь по полю, Елена,
Зацветает яростная рожь.
Ты себе на память непременно
Лучший колос в косу заплетешь.

Ты проходишь по саду, Елена,
Гроздья яблок тяжкие висят,
И зари малиновая пена
До краев захлестывает сад.

И, наверно, к полночи приснится
Из моих друзей не одному,
Что, взглянув сквозь длинные ресницы
Ты кивнула ласково ему.

1935

НОВОСЕЛЬЕ

Все окна настежь! Ни к чему нам ставни.
Нам жить и веселиться на виду.
Среди друзей, где каждый полноправный,
Я в горницу высокую иду.

К моим дверям широкая дорога
Для всех друзей расчищена всегда.
Пусть светит им у моего порога
Гостеприимства добрая звезда.

Посмотрит зависть жадными глазами,
И скупость нас осудит. Так и быть!
Нет в мире выше счастья, чем с друзьями
Хлеб-соль в застолье тесном разделить!

Чего ж нам ждать? За окнами заметней
Ложатся тени, по ветру скользя.
Пусть в новом доме жизни долголетней
Нам пожелают верные друзья.

Чтоб сытен хлеб и мед всегда был сладок,
Чтоб сыновья и дочери росли,
Чтоб с каждым годом прибывал достаток
От благодарной щедрости земли.

1935

* * *

Вновь калина над речкой уснувшей
Протянула нам руки свои.
Ты послушай, ты только послушай,
Не про нас ли поют соловьи?

Не для нас ли с тобой, вырастая,
Под росой шумят зелены,
И сирень зацветает густая,
И пчела пролетает, звеня?

Не для нас ли из теплого сада
Духом вишенным тянет в тиши?..
Тут и спрашивать даже не надо,
Только слушай, гляди и дыши.

Только помни под небом просторным
Вечный долг свой полям и лесам,
Всем во тьме набухающим зернам,
Всем стремящимся к свету цветам.

1986

* * *

Нерасцветший колос расцветает
от человеческого дыхания.

Народное поверье

Ты нерасцветший колос подняла,
К своим губам горячим поднесла,
Дохнула на него, и, оживая,
Расцвел тот колос у тебя в руке,
Чтоб доцветать и зреть на сквозняке,
Где зной течет, как пена дрожжевая.

И я сказал: не так ли и людей
Мы оживляем теплотой своей,
Сокрытые в них силы умножаем,
Чтоб каждый мог принести посильный
плод

И мы средь человеческих забот
Могли своим гордиться урожаем?

1936

Застывшая за ночь, звенела дорога
Под конским копытом на весь суходол,
А к вечеру стало теплее немного
И снег с потемневшего неба пошел.

Сначала совсем неуверенный, редкий,
Как будто высматривал место, где лечь,
Потом осмелел и серебряной сеткой
У каждого дерева свесился с плеч.

Ты вышла и взять не хотела косынки
Пуховой, что я за тобою принес;
И видел я — таяли сразу снежинки,
Попавшие в желтое пламя волос.

Вернулись, а комната — словно другая,
Уютней домашнее стало тепло.
И долго сидели мы, не зажигая
Огня, и от счастья нам было светло.

1936

Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

Я иду. Болото топко,
Под воду ныряет тропка;
Только надо поскорей
Мне дойти до журавлей.

По брусничнику, по кочкам
Пронесу мою тоску,
Помахая им платочком,
Поклонюсь их вожаку.

Обмахну слезу с ресницы,
Попрошу: «Возьмите, птицы,
Не тоску мою с собой —
Так платочек голубой.

Знаю — трубы ваши звонки,
Протрубите ж в добрый час,
Чтобы друг в чужой сторонке
На заре услышал вас.

Станет спрашивать он, птицы,
Обо всем, что сердцу снится,—
О девчонке молодой,
О раките над водой,

О тропинке под ракитой
В месяц листьев золотых...
Мой платочек, шелком шитый,
Вы отдайте в тот же миг.

На кайме его нашиты
Все тропинки, все ракиты,
Все лощины и холмы,
Где хоть раз встречались мы...»

Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

1936

ТЮНИНО

Может быть, родиться снова проще,
Выйти в мир широкий, как заря,
Чем забыть вас, тюнинские рощи,
В золотом свеченье сентября.

Старый парк, аллеи вековые,
Счет годам забывшие давно,
Где в далекой юности впервые
Было мне задуматься дано.

Что я знал, подросток деревенский,
В стороне заброшенной, лесной?
Только то, что ветер с поля резкий
Распахнул все двери предо мной.

Бил закат в цветные стекла дома,
Я стоял, дыханье затая.
Барский дом! Мне сызмала знакома
Слава нелюдимая твоя!

Знать, недаром мать моя, бывало,
Долгий сказ пряла по вечерам,
Как лоза витая вразумляла
Всех, кто непокорен и упрям.

И, поклон отвесив за науку,
Об одном вздыхал мой дед всегда:
Чтоб вовек не приводилось внуку
За наукой приходить сюда.

Внук пришел, но дед не видел внука,
Дед не знал, что на краю села
Дом все тот же — да не та наука,
Что его когда-то здесь ждала.

Дверь открыта, пахнет свежей краской,
Поздний луч скользит наискосок,
И гудит в опочивальне барской
Молодой учительский басок.

Я вхожу и опускаю веки,
Блики дня осеннего скупы,
Ждут меня в углах библиотеки
Старые дубовые шкапы.

Вот и день кончается недлинный,
Тень в аллеях путает следы.
Над левадой клекот журавлиный,
За левадой — темные скирды.

Старый сказ досказывают липы,
Спелый лист к руке моей прилип.
Спать спокойно прадеды могли бы,
Увидав меня у этих лип.

Я попрос. В распахнутых долинах
Всех моих дорог не сосчитать,
Но повсюду в кликах журавлиных
Эту осень слышу я опять.

Может быть, родиться снова проще,
Выйти в мир широкий, как заря,
Чем забыть вас, тюнинские рощи,
В золотом свеченье сентября.

1937

Возле дома, мимо сада
Пролегла дорожка.
Без тебя, моя отрада,
Я взгрустнул немножко.

Ждал весны, прошло и лето,
Опадает вишня.
Ни ответа, ни привета
От тебя не слышно.

Бродит ветер за оградой,
Хлопает калиткой,
Ты письмом меня обрадуй
Иль утешь открыткой.

Напиши четыре слова,
Сидя у окошка,
Что жива ты и здорова
И грустишь немножко.

1937

ЛОМОНОСОВ

Куда бежать от сплетен и доносов!
В просторных залах смрадно, как в аду!
И вот опять Михайла Ломоносов
Шумит в академическом саду.

Строптивый сын архангельских поморов,
Прямой, как ветер северной реки,
Он сохранил неукротимый нрав
И песни, что певали рыбаки.

Не он ли в школе Законоспасской
Одной латынью голод утолял,
Молокососов укрощал указкой
И сметкою монахов удивлял?

Поднявшись вне параграфов и правил,
Везде дыханьем родины храним,
Не он ли в старом Марбурге заставил
Немецких буршей трепетать пред ним.

Не он ли дал российской музе крылья,
Нашел слова, звучащие, как медь!
Доколе ж иноземное засилье
Придется в академии терпеть?

В нее вошел, достойный славы россов,
Как беломорский ветер молодой,
Крестьянский сын Михайла Ломоносов,
Родившийся под северной звездой.

1937

За Днепром, на древнем городище,
По курганам жимолость цвела.
Там, мой друг, встречались мы, и чище
Этих встреч нам юность не дала.

Плыл туман белесый над водою,
Соловьи стонали в забыти,
Нам казалось — длинной чередой
Пролетают легкие ладьи.

Лунный луч ломается на веслах,
У кормы качается звезда.
Ждут гостей обветренных и рослых
Гордой Византии города.

На торгу лукава Византия,
Но отыщут гости правый суд;
И камку, и чаши золотые
Греки сами на ладьи несут.

Не скупятся щедрые славяне,
Мед душист, пушисты их меха.
Шелестит кустарник на кургане,
Ночь идет, туманна и тиха.

На плесу постреливают шуки,
Крутят воду в омуте сомы.
Мы во тьму протягиваем руки,
Может, парус вынырнет из тьмы.

Как и ты, мечтатель, отдал дань я
Прошлому родимой стороны...
Там, где былью веяли преданья,
Явью оборачивались сны.

Из варяг ладьи летели в греки,
Распустив по ветру паруса.
Раздвигались древние засеки,
Расступались темные леса.

Полюбили рек живую воду,
Птичьих стай взволнованную речь
И навеки поклялись народу
Нерушимой родину беречь.

1937

ВСТРЕЧА НА ПУТИ В АРЗРУМ

Холмов тяжелые гробы,
Сдвигаясь, морщатся от зноя.
Ворвался в уши скрип арбы.
И гроб возник над крутизною.

В ярме два медленных вола,
Их трудный путь начался рано.
Он наклоняется с седла:
— Откуда гроб?
— Из Тегерана.

И что-то вдруг оборвалось,
Как этот камень, слово жестко.
— Так вот где встретиться пришлось
С тобой, блистательный мой тезка!

О, сколько вычеркнет имен
Граф Бенкендорф по черным спискам —
Все, кто талантлив, кто умен,
Не ко двору царям российским.

Тот — в каземате, тот — в гробу...
Я тоже вижу злую мету.
И, с вами разделив судьбу,
Не долго поброжу по свету.

Спешу в далекие края,—
И там ничто не тешит взора.
Когда ж, о родина моя,
Переживешь ты дни позора?

На перекрестке всех дорог,
Где и столбы глядят с опаской,
Я говорю:
— Зачем не мог
Ты пасть на площади Сенатской?

1937

* * *

Когда тебе в беде изменит друг,
Не говори: «Я в дружбе разуверен»,
Но оглянись внимательней вокруг
И всю любовь отдай тому, кто верен!

1937

Из камня высеченный идол
У расстаней стоял века.
Его прохожий каждый видел,
Сворачивая с большака.

Немой ровесник Древней Руси,
Он вырастал из-под земли,
Над ним весной летели гуси,
Вокруг него хлеба росли.

Шли мимо люди по дорогам,
Встречая шумную весну,
Уж им не верилось, что богом
Был этот камень в старину.

Когда ж зарей пылал пригорок,
Где сосны медные рябят,
К нему спешил седой историк
С толпой веселою ребят.

Он говорил, и были строги
Глаза под крыльями бровей:
— Глядите —
 умирают боги,
Бессмертно —
 творчество людей.

1938

Вот снова кукует кукушка,
Над омутом дремлет ольха,
Столетнего бора опушка
Просторна, светла и тиха.

За поймой дорога большая,
Все в детстве исхожено тут...
Навстречу ко мне поспешая,
Березы с пригорка бегут.

Но мне торопиться не надо,
Я к речке сверну не спеша,
Где ясного утра прохлада
Под тенью ракиты свежа.

Раздвину кувшинки густые,
Ладонью воды зачерпну,
И старые вспомню мечты я,
Влюбленности первой весну.

Припомню ровесниц, которым
Я сердце открытое нес
По теплым зеленым просторам,
Под синими вспышками гроз.

И отсветом дальней зарницы
Одна мне на сердце легла.
В цветы золотой медуницы
Росинками капала мгла.

На перьях сухих чернобыла
Дрожал, догорая, закат...
И если она позабыла,—
Ищи теперь, кто виноват!

На мшистом обветренном камне
Сижу, никого не виня.
Пусть грусть моя будет легка мне,
Как ветер июньского дня.

Уж сердце рассудку послушно,
И в голосе слышится медь...
Вот кличет кого-то кукушка,
А ты ей попробуй ответь!

1938

Ради встречи нашей, ради
Дней, похожих на мечту,
Из лирической тетради
Я стихи тебе прочту.

И почувствуешь ты снова
Теплый ветер полевой,
Шумный вздох дождя лесного
Пролетит над головой.

И увидишь ты заката
Рдяный отблеск на реке,
Там, где мы с тобой когда-то
Целовались в тростнике.

Вот опять сияет лето.
Нет со мной тебя... Ну что ж!
Про тебя мне до рассвета
В темном поле шепчет рожь.

Голос твой я слышу в песне
Возвращающихся жней.
Ведь в разлуке, как известно,
Мы становимся нежней.

1938

Чуть дымятся луговые плесы,
Даль тепла, светла.
То не ты ли косы у березы
На ночь заплела?

То не твой ли на реке гремучей
Виден переход?
Не твоим ли голосом над кручей
Иволга поет?

Пусть не видно в травах непримятых
Твоего следа,
Сердце верит: где бы ни была ты —
Ты со мной всегда.

И, когда в лугах синеют росы,
Ты на склоне дня,
Заплетая косы у березы,
Вспомнишь про меня.

Про меня, про стежки в дальнем поле
Да про те холмы,
Где, грустя и радуясь до боли,
Подрастали мы.

1938

Из-под кленового весла
Летит и бьет в лицо прохлада.
Не ты ли в лодку принесла
Вечернее дыханье сада?

Не ты ли запах тополей
В тяжелых косах затаила?
Не ты ль улыбкою своей
Тростник прибрежный озарила?

Здесь берега реки тесны,
На отмелях белеет пена;
Здесь слышен каждый вздох весны
И каждый шорох сокровенный!

Пусть чашечки речных цветов
Относит ровное течение,
Я о любви молчать готов,
Но скажет все сердцебиенье.

Взгляни — звезда летит к звезде,
Им дела нет до расстоянья,
И песня слышится везде,
И нет молчанью оправданья.

Все круче, круче взмах весла,
Все резче бьет в лицо прохлада...
Как весть о счастье, принесла
Ты легкое дыханье сада.

1938

Цветет жасмин. От белых звезд
Всю ночь светло в саду нагретом,
И Млечный Путь, как шаткий мост,
Соединил закат с рассветом.

В такие ночи слышен рост
Хлебов и трав. По всем приметам,
И теплых зорь, и щедрых рос
Еще немало будет летом.

Живым текучим серебром
Дожди июльские прольются.
Ладони вытянув, как блюдца,
Пойдем в поля, встречая гром,
Где ржи густые за бугром
Под тяжестью колосьев гнутся.

1938

Смешался с запахом смолы
Томящий запах земляники,
Где сосен тонкие стволы
Торчат, как бронзовые пики.
А тень бежит во все углы
И ловит солнечные блики,
На травы нижет без иглы
Цветные бусы земляники.

Дрожит под крылышками пчел
Позолоченной сеткой воздух,
Пичуги дремлют в темных звездах...
И вправе я себя не счел
Нарушить птиц полдневный роздых,
Прервать полдневный взятки пчел.

1938

Мерцают звезд разорванные звенья,
Просветы меж деревьями сквозят.
Сорвется яблоко, и от паденья
Настороженно вздрагивает сад.

Мне оглянуться хочется назад,
Не слышать своего сердцебиенья.
Здесь, осени предчувствуя рожденье,
Кругом с дарами яблони стоят.

И лунами сияют горделиво
Антоновки и белого налива
Тяжелые прозрачные плоды.
И не уйдешь отсюда до рассвета,
Где подружились мы с тобой за лето,
Досуги разделяя и труды.

1938

НА ПАСЕКЕ

Отроились пчелы. Пахнут медом
Вековые липы за прудом.
Возвращаясь с поля, мимоходом
Мы с тобой на пасеку зайдем.

Постучим в калитку к пчеловоду,
Он у нас приветливый старик:
На меду заваренную воду
Хоронить от гостя не привык.

Только б гость вниманьем не обидел
И подробный выслушал рассказ,
Как рои готовятся на выдел
И какой тут верный нужен глаз.

Чем отличен мед, какой по цвету —
Липовый, гречишный, луговой...
Гости мы не редкие, и эту
Будем слушать повесть не впервой.

Ну так что ж, пускай отводит душу,
Он видал немало на веку.
За привет, за добрую медушу
Мы спасибо скажем старику.

1938

* * *

Вновь сентябрь поджигает сухую листву
на осинах,
Рдеет каплями крови на кочках брусника
в гаю,
И, считая гусей в небесах, по-осеннему
синих,
Прислонившись к сосне, я с тобой на опушке
стою.
До весны покидая туманные наши озера,
Гуси к югу летят. Значит, близится время
дождей,
Значит, нам расставаться с тобою, любимая,
скоро...
Что ж, бери мое сердце и сердцем в разлуке
владей.

В светлом поле темнеют сухие кусты
чернобыла,
И на них паутины прозрачные нити висят.
Я дождуся весны, только б ты меня
не разлюбила,
С первой стаей гусей по весне возвратилась
назад.

1938

* * *

В рассол для огурцов кладут пучок укропу
И кадку на руках выносят из сеней,
А я иду один бродить по чернотропу —
Туда, где небеса просторней и синей;

Где бьет из-под земли зеленой пеной озимь,
Сентябрьской суете грачей наперекор;
Где грянет выстрел вдруг и, бросив эхо оземь,
Покатится пустым бочонком за бугор;

Где бродит облаков медлительное стадо,
И ветер, как пастух, идет за ним, трубя;
Где предо мной лежат все краски листопада,
Чтоб мог, моя любовь, я написать тебя.

1938

* * *

Столетний дуб у перекрестка,
Дым вечеряющих полей,
И голос девочки-подростка,
Подруги юности моей.

Казалось, слышал я впервые,
Как за околицей села
Шумят посевы яровые
И бьют зарю перепела.

Что из того, что мы расстались,
Признаться даже не успев,
Что снилось нам, о чем мечталось
Под тот разымчивый напев.

Мне в трудный час у перекрестка
Столетний дуб приснится вновь,
И голос девочки-подростка
Споет про первую любовь.

И я опять расправляю плечи,
Легко, как в юности, вздохну,
И наши песни, наши встречи
Я добрым словом помяну.

1938

Августовской ночью на поле,
В золотую зыбь пшеницы,
Часто-часто звезды капали,
Осыпалися зарницы.

Голосами утомленными
Ветряки скрипели в тучах,
Что холщовыми ладонями
Не поймать им звезд летучих.

И, дивясь их неуклюжести,
Мы брели по тихой пожне.
Если ночь с тобой в содружестве —
И звезду поймать возможно.

Но зачем спешить по роздыми
За звездой, летящей мимо,
Если вспыхивают звездами
Предо мной глаза любимой?

Душны ночи предосенние,
Дали грозами чреватые.
Только мы без опасения
Шли в туман и в запах мяты.

1938

НЕКРАСОВ

Стань один у окна кабинета
И в раздумье сигару гаси.
Не веселою долей поэта
Наделяет судьба на Руси.

День кончается. Некуда деться.
Так пустынно и сумрачно так...
Вот опять вспоминается детство
И Владимирский старый большак.

Каторжан изможденные лица
Да солдатской кокарды репей...
Сколько хочешь витийствуй, столица,—
Не забудешь бренчанья цепей!

Разве он не колодник, не пленник,
Разве цепи цензуры легки?
Вот вернули опять «Современник»,
Исчеркав от доски до доски.

А друзей не осталось, и не с кем
Все, что есть на душе, разделить!..
Может, лучше б вдвоем с Чернышевским
Замурованным заживо быть!

Может, лучше б по лисьему следу
Проходить в Ярославской глуши?
Так... Но тот, кто поверил в победу,
Просит: «Будь страстотерпцем, пиши!»

Значит, есть же друзья, значит, надо,
Чтобы песни гремели сильней!
За окном Петербурга громада
В золотистых накрапах огней.

Рвется ветер в окно кабинета,
Здесь покоя не жди, не проси...
Замечательной долей поэта
Наделяет судьба на Руси.

1938

В краю нелюдимом, на хуторе тихом
Стояла ветла да изба в два окна.
Там вьюги в ночи подвывали волчихам
И глазом совиным глядела луна.

Там вместе с попом колдуна ублажали:
Молись, дескать, богу и с чертом не спорь.
От хвори — крещенскую воду держали,
Росу собирали с двенадцати зорь.

В купальские ночи вздыхали о кладях,
Которых всю жизнь отыскать не могли,
Боялись грозы и скрестившихся радуг,
Боялись посыпанной пеплом земли.

Тропинкой витой на бугор выбегая,
Я видел, как машет ветряк у села,
Зовет на дорогу, туда, где другая —
Просторная жизнь, словно полдень, светла.

Я знал, что, вернувшись, опять затоскую,
Слоняясь без сна у закрытых дверей,
И проклял постылую глушь хуторскую
Навеки я в юности ранней моей!

1938

* * *

Морозы — декабрю, метели — февралю,
Капли первые — задумчивому марту.
А я б сказать не мог, что больше я люблю,
Читая по ночам небес открытых карту.

Всю жизнь влечет вперед круговорот времен,
Зимою ждешь весны, весною просишь лета.
И говоришь всегда, часов заслышав звон,
Что песня лучшая твоя еще не спета.

1938

СВАДЬБА МАРИНЫ МНИШЕК

Патриарх возложил корону, обряд совершил
старинный,
Все потайные желанья исполнились наконец.
Панна Марина Мнишек стала царицей
Мариной,
И Кремль перед ней раскрылся, как дорогой
ларец.

Палаты царей московских дымком золотым
обвиты,
А колоколен в небе — что в озере лебедей.
Кланяются Марине знатные москвиты:
— Входи на ступеньки трона и всю землей
владей.

Горячей рукой сжимает ей руку супруг
влюбленный,
Чья дерзость ее из замка родительского
влекла.
Но вслушивается Марина, как над Москвой
бессонной
Перекликаются гулко медные колокола.

Ей звон колокольный в сердце вонзается,
как рапира,
И не разгладит музыка морщин у ее бровей.
Нет, не к добру нарушил веселье брачного
пира
Сумрачный дьяк московский —
Осипов Тимофей.

Он был удостоен чести поздравить ее
Первым из московитов на верность ей царицей,
И вот он вошел в палату, строгий присягнуть,
Передохнул, как будто в дальний собрался и темнолицый,
путь.

— Внемлите, московские люди, речи моей
Сидящего на престоле царя разглядите нехитрой,
Слушай, пришелец незванный, вовсе ты в упор:
Ты окаянный Гришка, панский свистун не Димитрий,
и вор.

Слетелись коршуны злые на политый кровью
Как лучшие гости, ныне пируют с тобою шлях твой,
А наши дворы худые забраны вражьей тут.
И стены кремлевских башен о мщении вопиют. шляхтой,

Не присягну Маринке, проклятой иезуитке,
Что с коршуньем летела от воровских границ...
Пытай меня, если хочешь,— я все
И, чьей-то саблей сраженный, повторю на пытке...—
на пол свалился ниц.

Мне нравится искусство бочара,
Когда, в карман не лезущий за словом,
Он в зимние большие вечера
Скрепляет клепку обручем дубовым.

Врезает дно, храня суровый вид,
И говорит: «Сто лет смолить не надо!
Посудина что колокол гудит».
И сердце мастера удаче радо.

И снова, как вчера и завчера,
Не видя любопытных за плечами,
Он тешет клепку дни и вечера
И пригоняет обручи ночами.

Нужны мне глаз и мудрость бочара,
Чтоб речь скреплять, как бочку обручами.

1939

Голубоватый предвечерний зной
В верхах дерев дрожит и копошится,
И пахнет над лужайкою лесной
Всех трав сильней подсохшая душица.

Косцы сошлись под старою сосной
Перекурить в тени и освежиться,
И кто-то запевает, как весной
Цветы сбирала по лугам девица.

Я слушаю знакомые слова
И про себя, как в детстве, повторяю,—
Доныне песня в памяти жива.
Она зовет меня к родному краю,
Где есть душица — теплая трава,
Где первую любовь я вспоминаю.

1937—1939

* * *

Дождь, по кустам пробежавший и падавший,
Остепенился, ушел на закат.
Кажется, до колокольчиков ландышей
Только дотронешься — и зазвенят.

Звон серебристый рассыплется по лесу,
В травы ночные войдет и в цветы,
И меж деревьев на лунную полосу
Тени протянутся из темноты.

Тише, прислушайся, не показалось ли,
Что возвращается юность твоя?..
Это запели в березовой заросли
Песни любовные два соловья.

1939

Вечерний ветер, тише вей,
Заря ясна, чиста.
Росы напился соловей
С кленового листа.

Росы напился соловей,
Я сдерживаю вздох...
И вот посыпался с ветвей
Серебряный горох.

И вот посыпался с ветвей
В лесную тишину,
И я зажал в руке моей
Горошину одну.

И я зажал в руке моей...
Но нет, ладонь пуста!
Росы напился соловей
С кленового листа.

И вот посыпался с ветвей
Серебряный горох,
Я сохранил в душе моей
Горошин, сколько мог.

Я сохранил в душе моей —
И все тебе принес!
Вечерний ветер, тише вей,
Не шевели берез.

Вечерний ветер, тише вей,
Заря ясна, чиста.
Росы напился соловей
С кленового листа.

1939

В дни лета, когда поспевает малина в бору
И медленным зноем зеленая хвоя нагрета,
С утра до заката брожу я один и беру
Не пригоршни ягод, а пригоршни солнца
в дни лета.

В дни лета подобна живому тому серебру,
Что виснет на ветках, как тихой погоды
примета,
Тоска по любимой. Но я ее в счет не беру,
Мне горечью трав стала горечь разлуки
в дни лета.

В дни лета увидишь теней золотую игру
И сразу почувствуешь силу влекущую света...
Я сердцем влюбленным для писем моих собираю
И звуки и запахи темного бора в дни лета.

1989

Приближалась гроза. Августовского зноя
 Пахнул горькой ромашкой. Мы шли, озираясь
 с опаской.
 Гром катился за нами, как будто в телеге
 пустой
 Кто-то с поля спешил по дороге неровной
 и тряской.

Вдруг у самой околицы ливень на нас
 налетел,
 Словно коршун, с разлета клылом
 задевая за крыши.
 И тревога пропала. Не чувствуя тяжести
 тел,
 Мы взглянули на небо и подняли головы
 выше.

Ты промокла до нитки, но ты улыбалась:
 «Постой,
 Погляди, что за речкой осталось от ели
 косматой!
 Помнишь, перед грозой августовского зноя
 настой
 Пахнул горькой ромашкой? Откуда ж повеяло
 мятой?»

Каплю каждую влаги ловили березы листвою,
 И, подол подобрав, туча шла по тропинке
 примятой.

1939

Не оторвешь подошв горячих от земли,
На дерево взгляни — стоит, как вырезное,
Медлительных минут мохнатые шмели
Едва-едва ползут, отяжелев от зноя.

Чуть булькает ручей, как в горле кувшина.
С утра подкошен, луг лежит в цветных
разводах.

На цыпочках стоит за стогом тишина,
Заботливо храня косцов недолгий отдых.

1939

Еще дороги не пылят
И подорожник мягче шелка,
Еще во ржи перепелят
Скликает громко перепелка.

Еще ветряк, суров и тих,
Скучает, на пригорке стоя,
Но вот коснулось щек моих
Дыханье августа густое.

Гляжу взволнованно вокруг,
Жду, окунаясь в дух ромашки,
Что сердце птицей станет вдруг
И выпорхнет из-под рубашки.

Оно уж слышит говор жней,
Летающий в тишину рассвета,
Ему теперь всего нужней
Вершить снопом колосьев лето.

1939

* * *

Утром в поле просторном не счесть паутин
шелковистых,
Тонкий луч вышивает их, как золотая игла.
А закаты туманны, и ржавчиной первой на
листьях
Голубых тополей предосенняя сырость легла.

Запечатаны на зиму в ульях тяжелые соты,
Обмолочена рожь, и зерно свезено в закрома.
Это август пришел и за все рассчитался
заботы,
От которых щедрей становилась природа сама.

1939

* * *

Вот и август прошел. Пахнут смутные сумерки
тмином.
Словно камни в колодец, летят в тишину
голоса.
Бродят белые звезды по жесткому жнивью за
тыном.
Не дыши, и услышишь — шумит под ногами
роса.
За село на большак провожать уходящее лето
Мимо темных ометов с тобой мы выходим
вдвоем.
Сколько встречено зорь, сколько песен тут
было пропето,
Сколько чувств накопилось в отзывчивом
сердце твоём!

1939

Зима, закат, сторожка лесника,
На окнах тени спутаны и зыбки.
Старик весну припомнил, и рука
Смычком коснулась самодельной скрипки.

И соловей взлетел из-под смычка,
Подснежник распустился у пенька,
Забил родник, и, словно по ошибке,
На мутных стеклах снег пятнался липкий.

И я подумал: «Кто в родном краю
Любил тропинку каждую свою,
Берег травинку и лелеял колос,—

К тому, когда вздохнет он от забот,
Весна и в зимних сумерках придет,
Услышав скрипки самодельной голос».

1939

* * *

Калужские швецы по первопутку
В деревню заходили каждый год.
Бывалый, разговорчивый народ,
Они любили шутку-прибаутку.

Сказать умели сказку в свой черед,
Как выкурить сигарку-самокрутку,
И к ним, подняв серебряную дудку,
Прислушивалась вьюга у ворот.

А речь лилась все тише, все размерней,
Звенели звезд литые бубенцы,
Манили вдаль сквозь мутный мрак вечерний.

Так связывали всех дорог концы
Калужские веселые швецы,
Прошедшие четырнадцать губерний.

1939

На огородах срублена капуста.
Еще с утра, упруги и сочны,
Морозцем первым пахнувшие вкусно,
В большие груды свалены кочны.

А вот и сад. Как в нем светло и пусто.
Как звуки все и краски смягчены.
Идешь — и листья падают без хруста
На смутную тропинку тишины.

Но дальше, дальше... В поле, где открыты
Теперь все дали, все пути видны,
Где на пригорке у кривой ракиты
Прощались мы до будущей весны,
Где я услышу — только позови ты —
Твой голос из далекой стороны.

1939

* * *

Дымком обвитый светло-серым,
Закат туманно-золотист,
И тихо кружится над сквером
За лето выгоревший лист.

У опустевшего киоска
Скамейку выберем с тобой,
И долго будет папироска
Дымить у ног сама собой.

Еще по-летнему одеты,
С густым загаром напоказ,
Нетерпеливые студенты
Пройдут поспешно мимо нас.

И я откину мимоходом
С виска седеющую прядь,
И мне студенческие годы
Мои припомнятся опять.

Но осень тихая багряна,
Но дни прозрачны и легки.
И нам с тобою очень рано
Записываться в старики!..

1939

* * *

Зима сияла на пруду,
Манила всеми чудесами.
Там, взявшись за руки, по льду
Мы шли, куда не зная сами.

На льду горел закат, и лед,
Казалось, тает перед нами.
Но вот
 серебряный налет
Подернул розовое пламя.

И ты сказала шепотком,
Меня дыханьем обдавая:
— Не тем ли самым холодком
И нас остудит даль седая?

Я руку сжал твою: — Ну что ж,
И наш закат погаснет где-то,
Но день тому лишь и хорош,
Кто вечера не ждет с рассвета!

1939

Воспоминаний юности не тронь,
Не отрекись от первых увлечений.
Как осенью рябиновый огонь,
Они светить нам будут в час вечерний.

Пусть окружит их время равномерней,
Чем сердцевину дуба оболонь.
И дочь твою широкою ладонь
Сожмет ладонью легкою дочерней.

И скажешь ты: — Опять звенит гармонь,
Нашиты звезды золотом по черни.
Как осенью рябиновый огонь,
Ты светишь мне в мой тихий час вечерний...
Воспоминаний юности не тронь,
Не отрекись от первых увлечений.

1939

ОТРОК С УЗДЕЧКОЙ

Кони ржут, скрипят в ночи телеги,
Стонет под копытами земля,—
Окружают Киев печенеги,
Вороньем летят из ковыля.

Знать, орда проведала степная,
Что, ковры по шляхам разостлав,
С голубого дальнего Дуная
Не вернулся в Киев Святослав.

Из шелома пить привыкший воду,
На попоне потной засыпать,
За себя оставил воеводу,
В терему тоскующую мать.

Звонки трубы дальнего похода,
Сечи удаляющийся гром...
И беды не ждавший воевода
Загулял с дружиной за Днепром.

Где тропа зеленая, витая,
Что выводит на берег реки?
Смертной жаждой русичей пытая,
Путь к Днепру закрыли степняки.

По холмам, обветренным и пегим,
Свищут их широкие ножи,
И решают сдаться печенегам
Княжеские мудрые мужи!

Но другому следуя веленью,
В свете чуть притушенной луны,
Безымянный отрок легкой тенью
С городской спускается стены.

Машет он уздечкою наборной,
Речью и повадкой — печенег,
И стремится к Днепру свой шаг упорный
Меж костров туманных и телег.

Спрашивает встречных за шатрами:
Не видал ли кто его коня?
Синий Днепр лежит в зеленой раме,
Тростником береговым звеня.

Вот и берег. Прядает с разбега
На песок косматая волна.
Зорек глаз у злого печенега,
Тетива упругая верна.

Стрел колчаны кожаные полны...
Но хватились поздно степняки —
Он плывет, пересекая волны,
Бисер брызг летит из-под руки.

Днепр широк, арканы их коротки,
Не достанут, не вернут назад.
И с другого берега на лодке
Русские дружинники спешат.

В тростниках, в тени рыбацких хижин.
Там, где ветер сети шевелит,
Безымянным отроком пристыжен,
Воевода сбор трубить велит.

Всколыхнулись заводи глухие,
Расплескались сонные струи,
И запели трубы боевые,
Из тумана выплыли ладьи.

В ковыли, в туманные яруги
Эхо перекатное послав,
Отступают степняки в испуге:
Думают — вернулся Святослав.

Он летит в степи как ветер скорый,
Крепок щит его и меч тяжел!
И не вспомнят отрока, который
Все шатры с уздечкой обошел.

1939

Весну в тени дерева спрятали
И не боятся одиночества.
Я провожу друзей-приятелей,
А уходить домой не хочется.

В саду притихнувшем послушаю,
Где лунный свет стекает в лужицы,
Как поздний шмель гудит над грушею,
Пчела над яблонею кружится,

Как спорят с ветром-непоседою
Рябины вздохами влюбленными,
И, как с друзьями, побеседую
С неразговорчивыми кленами.

Потом, осыпан цветом вишенным,
Приду к тебе, моя бессонница,
И, полон виденным и слышанным,
Пойму, что ты всему виновница.

1939—1940

ТРИПТИХ

I

Гостеприимны были наши предки,
Садился первым гость у очага,
И мед в кувшине греческой расцветки
Пред ним хозяин ставил, как слуга.

Днепровские привольны берега,
Плоды дерев отягощают ветки,
Но копья остры, луки наши метки,
Крыжатый меч отточен на врага.

И мы гостей, как предки наши, чтим:
Густым вином и медом золотым,
И говорим: — Друзья у нас не редки.

Но мы от гостя отличим врага,
Что зарится на наши берега,
Такие ж непреклонные, как предки.

II

Заря, как медный щит, багряна,
На копьях тусклый свет костров,
И голос вещего Баяна
В молчанье утреннем суров.

Он знает — будет литься кровь,
От крови будет степь туманна.
Что ж! Песня вещего Баяна
Не для забав, не для пиров!

Чу! Слышны крики половчан.
Наполни стрелами колчан!
Кто будет жив, тот справит тризну!

И я хотел бы, как Баян,
Вести полки на вражий стан,
В дни испытаний, за Отчизну!

III

Ты видел этот памятник? Скала,
Тяжелый меч в руке простертой галла,
А там, за выступом — гнездо орла,
Что крутизна веков оберегала.

Напрасно ввысь к нему стремится галл,
Повиснув над зияющею бездной,
Здесь каждого пришельца настигал
Закон отмщенья — клюв орла железный!

Россия, родина моя — скала,
Взнесенная над сумрачной долиной,
Врагов твоих читая список длинный,
Мы слышим взмах широкого крыла

И славим сыновей твоих дела,
Их зоркий глаз и острый клюв орлиный!

1938—1940

Я вспомню детство и увижу поле,
Над безымянной речкой — деревушку,
У изгороди, хмелем перевитой,—
Колодезный высокий журавель.

Там я с восхода солнца до заката,
Уйдя из дому, лазал по деревьям
И, возвращаясь, спрашивал у ветра,
Что будет завтра — ведро или дождь?

И ветер отвечал мне: будет ведро,
Деревья подтверждали: будет ведро,
И только где-то на болоте цапля
Кричала: будет непременно дождь!

В садах цвели и осыпались вишни,
В тугие кисти превращалась завязь,
И ягоды, обугленные солнцем,
Расталкивали пыльную листву.

А детство шло. У стариков суровых
Перенимал я хитрую науку,
Как строить хаты, как сажать деревья,
В какую пору начинать посев.

Я не боялся ни жары, ни стужи,
Я время дня определял по солнцу,
Угадывал по звездам время ночи,
Погоду знал по запаху травы.

Так наступила юность. И однажды
Мне мир окрестный показался тесным,
И я, увидев журавлей над полем,
Отправился с друзьями в дальний путь.

В просторной тишине аудиторий
Весь мир хотел обнять я жадным взором,
Поставить на столе его, как глобус,
И поворачивать перед собой.

Я день за днем в библиотеках чинных
Сидел над пожелтевшими томами
И у полотен мастеров старинных
Простаивал в музеях по часам.

А по ночам, лишь закрывались веки,
Я вспоминал деревню, поле, детство...
Да будет мне светить на всех дорогах
Моей отчизны верная звезда.

1940

* * *

Тоски любовной горький мед,
Еще хранят твой привкус губы.
Не всякий, может быть, поймет,
Что есть на свете однолюбы..

Но кто поймет — тому весь век
Весна и юность будут сниться.
Когда у шумных, быстрых рек
Друг дружку окликают птицы.

Пусть год за годом жизнь пройдет
И грянут траурные трубы.
Тоски любовной горький мед
Передадут из рода в род
В прощальном поцелуе губы.

1940

* * *

Заря прозрачна, как намек,
Как разговор глазами,
Когда платок от слез намок,
А губы тянутся к губам,
Не веря в ссору, сами.

И вновь легко дышать, и вновь
Верна твоя примета,
Что и в слезах видна любовь,
Как в грозах дружная весна,
Как в теплых ливнях — лето.

1940

На рассвете проснуться и, выпив стакан
 молока,
 Торопливо пройти на крыльцо через темные
 сени,
 Посмотреть, как заря подожгла за рекой
 облака,
 И послушать, как ветер шумит
 в развороченном сене;

Как роса опадает прозрачными каплями с куп
 Придорожных раkit, у которых заря
 на примете...
 И почувствовать сердцем, что день этот
 будет не скуп,
 Приносящий удачу тому, кто встает
 на рассвете.

Разве этого мало, моя дорогая, скажи,
 Разве нашей любви не просторно, ответь,
 дорогая?
 ...Предвещая погоду, трещит перепелка
 во ржи,
 И дорога желтеет, за дальний курган
 убегая.

1940

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебряной звездой летит в ладони детство,
Мерцает и звенит, спеша уверить всех,
Что жить нам — не устать, глядеть —
 не наглядеться
На этот первый снег, на этот первый снег.

Распахнут твой платок, у ног лежит гребенка,
Синицы за тобой следят из-под застрех.
А ты стоишь тиха, как тайный вздох ребенка,
Как этот первый снег, как этот первый снег.

Мы встретились опять. К чему ж твоя тревога?
Немало впереди у нас дорог и вех.
Благовари судьбу у отчего порога
За этот первый снег, за этот первый снег.

1940

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Юность, юность! Какой дорогой,
За какие леса и реки
Тихой девушкой, недотрогой
Ты ушла от меня навеки?

Я с тобой не успел проститься,
Не предвидел разлуки близкой.
Под окошко летит зарница
Мне прощальной твоей запиской.

Выйду в поле на перекресток,
Где звенит, вызревая, жито.
Мелким бисером лунных блесток
Небо шелковое расшито.

Позову тебя — нет ответа...
Эти ль ночи тебе не любы,
Грозное ль дыхание лета
Обжигает сухие губы?

Я оглядываюсь тревожно —
Чуть мерцает в тумане стежка...
О, когда б тебе было можно
Задержаться со мной немножко!

Как берег бы тебя теперь я...
Но смежает полночь ресницы,
Звезды падают, словно перья
Упорхнувшей из рук жар-птицы...

Бродит сумрак по раздорожью,
Шепчет мне: «Головы не вешай!»
Это август горячей дрожью
Наполняет колос созревший.

Слышен крик перепелки частый,
На траве роса загорелась.
Что ж, прощай, моя Юность! Здравствуй,
С полной горстью колосьев, Зрелосты!

Лоб мой жаркий обдуй прохладой,
Освежи мое сердце грустью,
Исполненьем надежд обрадуй
На пути от истоков к устью.

1940

ЛЕВИТАН

1

Мы возмужаем и верней оценим
Простые краски, точные слова.
Вот снова светит в золоте осеннем
Чуть тронутая солнцем синева.

И если ты художник, если зорек
Твой меткий глаз и обострен твой слух,—
Туманной тропкой выйди на пригорок,
Прислушайся и оглянись вокруг.

Перед тобой, как странницы босые,
Воспоминанья летние тая,
Бредут березы в дальние края,
А ветер тени путает косые.
Шумят грачи. Так вот она, Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

2

Смерть не страшна. Безделье хуже смерти,
С тоской не разлучается оно.
Раскинуто окно. И на мольберте
Укреплено тугое полотно.

Прозрачен день. Вглядись и кисти вытри.
Ты мастер. Будь расчетлив, строг и прост.
Есть тишина, есть краски на палитре,
Чтоб звон листвы перенести на холст,

Повесить паутинки золотые,
Пустить тропинки по лугу витые,
Колючей щеткой выровнять жнивье
И, оглянув пустынное жилье,
Забыть про все. Перед тобой Россия,
Твоя любовь, бессмертие твое.

3

Где бы ни был ты — душа природы русской
Была с тобой. Ты позабыть не мог
Ни пруд забытый с мельницей-раструской,
Ни ветхий дворик, ни туманный стог.

Преодолев житейские тревоги,
Ты видел: сыновья моей земли
По каторжной Владимирской дороге
В распахнутое будущее шли.

Над их судьбой задумавшись впервые,
Ты вспомнил все тропинки полевые
И отсвет зорь на берегу ручья.
Ты понял: сны и чаянья людские
Такой же явью сделает Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

1940

Корнями своими поэт Николай Рыленков уходит в глубокие и живоносные слои русской природы, русской деревни, фольклора и истории.

В. Солоухин

* * *

Зима и детство. Вечер длинный
Под кровом тесного жилья.
Встает над дедовской былиной
Крестьянин Муромец Илья.

Не забавляясь в поле чистом,
Спешит он в Киев без дорог,
И Соловей-разбойник свистом
Остановить его не мог.

Прядет ушами конь соловый,
Разбойник бьется в тороках,
А он лишь плеточкой шелковой
Помахивает в облаках.

В просторной княжеской светлице
Поклон отвесить он спешит
И попроситься на границу
Родную землю сторожить.

Злой половчанин, волком рыскай,
Твой след в степи не скроет мгла,
Тебя с заставы богатырской
Найдет каленая стрела.

Орлом средь стаи соколиной
Взовьется Муромец Илья...
И даль веков звенит былиной,
Зовет из тесного жилья.

1938—1941

Он с финского фронта вернулся в село,
Встречал его каждый куст,
А вишенье в теплых садах цвело,
А запах земли был густ.

В поле колхозный спешил грузовик,
Покряхтывая тяжело.
И все, от чего на фронте отвык,
В него с тишиной вошло.

Он весь этот мир, что с детства знаком,
Казалось, снова открыл,—
С дорогой накатанной, с ветряком,
Раскинувшим тени крыл;

С цепочками пчел, что на запах цветов
Тянутся через гать.
И понял: за это за все готов
Он душу свою отдать.

Какой там покой, когда зажжена
Земля с четырех сторон!
«Совсем возвратился?» — спросит жена.
«В отпуск», — ответит он.

1940—1941

* * *

Небо в звездах, словно полный улей,
Травы пьют медовую струю;
Может быть, в такую ночь под пулей
Суждено мне кончить жизнь мою!

Только, наземь падая у края
Тишины, я не закрою глаз,
Но взгляну на небо, умирая,
Грудью всей вздохну в последний раз.

Все родное —это небо в звездах,
На листве шипучую росу,
Этот медом растворенный воздух —
Я с собой в могилу унесу.

1941

Нет, не спится! Я вышел из душной землянки.
Часовой заглянул мне в лицо: «Командир!»
По шоссе громяют тяжелые танки,
Не смолкает всю ночь перебранка мортир.

Свежий ветер пахнул. Он из ближнего бора
Земляники и меда мне запах принес.
Значит, близится время веселое сбора,
С детства милая сердцу пора — сенокос!

Только смято немецкими танками лето,
Гром орудий в лугах косарей разогнал...
Задыхаясь, я сжал рукоять пистолета:
О, скорей бы, скорей бы к атаке сигнал!

1941

Прошедшим фронт, нам день сочтется за год,
В пыли дорог сочтется каждый след,
И корпией на наши раны лягут
Воспоминанья юношеских лет.

Рвы блиндажей трава зальет на склонах,
Нахлынув, как зеленая волна.
В тех блиндажах из юношей влюбленных
Мужчинами нас сделала война.

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Но и тогда друг другу в промежутках
Меж двух боев рассказывали мы
О снах любви, и радостных и жутких,
Прозрачных, словно первый день зимы.

Перед костром, сомкнувшись темным кругом,
Мы вновь клялись у роковой черты,
Что, возвратясь домой к своим подругам,
Мы будем в снах и в помыслах чисты.

А на снегу, как гроздьях горьких ягод,
Краснела кровь. И снег не спорил с ней!
За это все нам день зачтется за год,
Пережитое выступит ясней.

1942

Мы на войне подумали о многом,
 О чем подумать стоило давно.
 Все от рожденья было нам дано,
 И мир, открытый настежь за порогом,
 Ждал появления нашего: иди,
 Не меря расстояний впереди.
 Куда тебя влечет,— по всем дорогам —
 Чередуванье лета и зимы...
 И этому не удивлялись мы,—
 Мы на войне подумали о многом.

Теперь, привыкнув к воинским тревогам
 И к беспокойству путевых квартир,
 Мы заново увидели тот мир,
 Где было все для нас любви залогом,
 Куда не раз любой из нас глядел
 Сквозь замыслы незавершенных дел,
 И говорим себе в раздумье строгом:
 Мы не ценили времени, пока
 Была от нас тревога далека.
 Мы на войне подумали о многом,

Не как старик бухгалтер над итогом
 Конторских цифр, склонялись мы, поверь,
 Когда грядущее стучится в дверь.
 По вражьи бронированным берлогам
 Ведя огонь, мы помнили о том,
 Как много дела нам в краю родном.

За каждым буераком, каждым логом
Мечта — увидеть близких поскорей —
Усиливает ярость батарей.
Мы в дни войны подумали о многом.

1942

Нет, мы не стали здесь сентиментальной,
Такие ж мы, как были до сих пор.
Когда смолкает отгул боя дальний,
Заводим мы домашний разговор.

Друг перед другом поспешает каждый
Признаньем утолить свою тоску.
Так люди пьют, измученные жаждой,
К студеному склонившись роднику.

И досконально знают все в землянке,
Кого из нас какая ждет семья,
Как подрастают дочери-смуглянки,
В какую школу ходят сыновья.

Когда и чей справляют день рожденья
И чем бывает праздник завершен,
Домашние заботы и волненья,
Привычки и капризы наших жен,

Все, что в землянке летней ночью снится,
Все, чем дорога трудная легка...
И если б ты сюда могла явиться,
Тебя узнали б все издалека.

В пустынном поле, под вороньим граем
Встречай друзей, не опуская глаз...
Мы жизнь и смерть друг другу доверяем,—
Какие ж тайны могут быть у нас?

1942

СТИХИ О РОССИИ

Когда говорили мне в детстве: «Россия»,
Я знал — это все, чем дышу, где расту:
Крыльцо расписное и ставни резные,
Под окнами яркий шиповник в цвету.

Укропом и тмином поросшие грядки,
Левада, где стручья гороха бренчат,
На белой заре переборы трехрядки,
Заправки вернувшихся с поля девчат.

А смутные сумерки путают краски,
Стирают приметы привычных вещей,
И сон подтверждает сестренкины сказки,
Что солнце в ларец замыкает Кашей.

Но сказок и снов золотое соседство
На утлой кровати непрочное, и вдруг,
Проснувшись, увидишь, что кончилось
детство,
Что мир развернулся просторный вокруг.

Когда в эту пору я слышал: «Россия»,
За мной, приподняв горизонта черту,
Шумели поля и луга заливные,
Хлеба наливные и травы в цвету.

По узким тропинкам, по торным дорогам,
Меж трав и хлебов, проходил я босой.
Зарницы считал с косарями под стогом,
В высокой траве умывался росой.

И в полдень, над речкой, где берег отвесен,
Где гребень волны набегающей крут,
Соломинкой пил я отцедины песен,
Что сладостной грустью за сердце берут.

Я знал, что не пасынком вырос, а сыном —
В отцовском доме, и, уйдя за порог,
Туманным березам и синим осинам
Послал я поклон с перепутья дорог.

Я думал: «Так вот ты какая, Россия»,
Когда мне открылись над старым Днепром
В отметинах славы зубцы крепостные
И башни, в бойницах таившие гром.

Над звоном трамваев, над гулом заводов
Они подымались, сутулясь слегка,
И, дань преходящему времени отдав,
Казалось, со мной говорили века.

Там русского духа я понял величье,
Витавшего в башнях стены крепостной,
А город, не раз изменявший обличье,
Стоял над днепровской седой крутизной.

Когда-то из дебрей поднявшийся хвойных,
Он лодки смолил да палаты рубил
И в дни испытаний, в сказаньях о войнах,
Помянут не раз летописцами был.

Но вот задымились дороги большие,
Ударила молния в наше жилье,
И, в бой отправляясь, я понял, Россия,
Что значит священное имя твое.

Россия! Мы всюду твердим твое имя,
Созвучное с именем женщины той,
Что нас пеленала руками своими,
Что нас наплатала сосцами своими,
Что нас согревала своей теплотой.

Священны твои седины и морщины,
Торжеств и печалей твоих годовщины
В великой твоей и суровой судьбе.
И, зрелость встречая, по праву мужчины,
Мы клятву на верность давали тебе:

На верность твоим перелескам зеленым,
На верность малиновым зорям твоим,
На верность ночам соловьиным, бессонным,
На верность девическим взорам бездонным,
На верность надеждам, что с детства таим.

Пусть клятвоотступник на русской равнине
Забудет о матери, друге и сыне,—
Их нет у него, ни друзей, ни родных,
Пусть каменным хлеб ему станет отныне,
Не даст утолить ему жажду родник.

Он в страхе падет, услышав твое имя,
Созвучное с именем женщины той,
Что нас пеленала руками своими,
Что нас наплатала сосцами своими,
Что нас согревала своей теплотой.

1942

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

От хребтов Кавказа до Урала,
Дальними дорогами пыля,
Ты не раз на бой сынов скликала,
Русская земля!

Прибавляли сил им в дни печали
Полноводных рек твоих струи,
И врагам обиды не прощали
Сыновья твои.

И всегда, цела и невредима,
Сыновей бессмертьем надея,
Ты вставала из огня и дыма,
Русская земля!

О тебе в столетьях песни громки,
Вся ты как певучая струна!
И наследье предков мы, потомки,
Приняли сполна!

Вот опять ковыль дымится бурый,
Легкими кистями шевеля,
Вот опять ты в бой нас шлешь под бурей,
Русская земля!

Что ж! Иль мы не русские солдаты,
Иль военный клич отцов забыт?
Не простим насильникам проклятым.
Мы твоих обид!

Где б ни шли, судьбой твоей хранимы,
Смерть за смерть врагам твоим суля,—
Мужеством твоим укреплены мы,
Русская земля!

Мы друзей скликаем поименно,
Под огнем испытанных солдат,
И над ними русские знамена
На ветру шумят!

Помяни ж героев, в битвах павших,
Осени знаменами Кремля,
Колыбель отцов и дедов наших,
Русская земля!

Прокляни отныне и навеки
Дрогнувших перед лицом врага —
В дни, когда катили пламя реки,
Бросив берега.

И опять, цела и невредима,
Сыновей бессмертьем наделя,
Встанешь ты из пламени и дыма,
Русская земля!

ИЗ ДНЕВНИКА

Фронт приближался к Москве. В ту пору
Наш батальон стоял под Можайском.
И каждое утро все ближе, ближе
Мы слышали пушечную канонаду.

А сводки газетные были скупы,
А письма друзей доходили редко.
И мы не знали, где наши семьи,
Бежавшие из городов сожженных.

Мы видели только: по всем дорогам,
По всем колеям осенним, размытым
Тянулись подводы с утра до ночи,
Груженные разным домашним скарбом.

На их перепутьях смолкали ветры,
Березы склонялись у перекрестков.
И журавлей прощальные трубы
Гремели над ними в пустынном небе.

Но сухи были глаза у женщин:
Они за войну разучились плакать.
Им опалило ресницы горе,
Бледные губы сомкнуло плотно.

Я пристально вглядывался в их лица,
И сердце сжималось мое тревожно:
Может быть, встречу своих знакомых,
Может быть, близких своих увижу.

Мне в каждой девочке десятилетней
Виделась дочка моя Наташа.
Мне в каждой девочке пятилетней
Виделась дочка моя Ирина.

Но ни с Наташей моей, ни с Ириной
Не привелось мне тогда повстречаться:
Горькой рябиной, тоской журавлиной,
Казалось мне, в сердце они стучатся.

Казалось мне, я, как солдат, в ответе
За все, что вынесут наши дети,
Лишенные крова, лишенные детства,
Бежавшие, еле успев одеться.

А рядом уверенно и деловито
Бойцы — белорусы и украинцы —
Противотанковые рвы копали,
Как погреба у себя в деревне.

Я видел: привыкшие к созиданью,
Люди за землю держатся крепко...
И снова мои расправлялись плечи,
И на душе становилось легче.

1941—1942

* * *

Командир батальона читал до зари «Илиаду».
 Стол дощатый скрипел, и огарок чадил
 восковой,
 И в ночи открывалось его воспаленному
 взгляду
 Не сражение у Трои, а бой под любимой
 Москвой.

Мужа в бой провожая, там слезы не льет
Андромаха,
Но, сжимая оружие, встает с ним бок о бок
она...
А в штабную землянку из мутного снежного
праха
Шел рассвет. И его посылала со сводкой
война.

1942

Бой шел всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женщины и дети
Навстречу к нам со всех сторон.

Я на околице приметил
Одну девчонку, лет пяти,
Она в тени столетних ветел
Стояла прямо на пути.

Пока прошли за ротой рота,
Она не опустила глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.

Дрожал росой рассвет погожий
В ее ресницах золотых:
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг.

Казалось, все дороги мира
Сошлись к седой ветле, и я,
Себя не помня, крикнул: «Ира,
Мой птенчик, ласточка моя!»

Девчонка вздрогнула и, глядя
Колонне уходящей вслед:
«Меня зовут Марусей, дядя»,—
Сказала тихо мне в ответ.

«Марусей? Ах, какая жалость!» —
И поднял на руки ее.
Она к груди моей прижалась,
Дыханье слушала мое.

Я сбросил груз дорожных тягот
(Ну, что же, Ира, не ревнуй!) —
Всю нежность, что скопилась за год,
Вложил в отцовский поцелуй.

И по дорогам пропыленным
Вновь от села и до села
Шагал я дальше с батальоном
Туда, где дочь меня ждала.

1942

* * *

В суровый час раздумья нас не троньте
И ни о чем не спрашивайте нас.
Молчанью научила нас на фронте
Смерть, что в глаза глядела нам не раз.

Она иное измеренье чувствам
Нам подсказала на пути крутом.
Вот почему нам кажутся кошунством
Расспросы близких о пережитом.

Нам было все отпущено сверх меры —
Любовь, и гнев, и мужество в бою.
Теряли мы друзей, родных, но веры
Не потеряли в Родину свою.

Не вспоминайте ж дней тоски, не раньте
Случайным словом, вздохом невпопад.
Вы помните, как молчалив стал Данте,
Лишь в сновиденье посетивший ад.

1942

НАВОДЧИК

Не позабыть мне ночи той короткой...
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.

И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал, от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
— Вот, в самый раз... Прости меня, сосед!

И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

1942

ГОРЬКАЯ ВЕСНА

Скворцы в деревню прилетят
И не найдут своих скворешен.
Где был приют пернатых — сад,
Столбы от виселиц скрипят
И плачет ветер, безутешен.
Подумать страшно — кто повешен?
Да, всяк, врагом казненный, свят
И вопиет к тебе, солдат.

1942

СОЛДАТСКИЙ ТОСТ

Лес прозрачен. Ночью новогодней
Зажжены на елках свечи звезд.
За кого ж, товарищи, сегодня
Первый мы провозглашаем тост?

За кого мы наполняем кружки,
По-солдатски на весу держа,
В час, когда серебряные стружки
Месяц ворошит у блиндажа?

Пусть, как клятва, что навеки свята,
Прозвучит нам, открывая год,
Первый тост за русского солдата,
Чье в столетьях мужество живет.

Тост второй за тех, кто бьется рядом,
Кто в сраженьях порохом пропах,
Кто не спит с бессонным Ленинградом,
Кто громит врага под Сталинградом,
На Кавказе и в Донских степях.

Третий тост провозгласим по праву,
Звоном кружек огласив жилье,—
Мы за нашу боевую славу,
За оружие верное свое!

Чтоб глаза нам не застлало дымом,
Чтоб любой нам вынести поход,
Вновь наполним кружки и подыдем
Мы за тех, кто нас с победой ждет;

Слышит голос наш в железном громе,
В тьму и стужу устремляя взгляд...
А за нас сегодня в каждом доме,
В каждой хате тост провозгласят.

1942

Ветер боя кусты завертит,
Вспыхнет яростный столб огня,
И, как жаркое жало смерти,
Вражья пуля кольнет меня.

Побелеют губы сухие,
Но, глаза устремив в зарю,
Трижды имя твое, Россия,
Как молитву, я повторю.

И тогда,— я знаю заранее,—
Ты откроешь мне все пути,
Чтобы мог я, забыв о ране,
Через поле смерти пройти.

1943

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Заря просторная,
Как песня русская,
Дорога торная,
Тропинка узкая.

Здесь все изложины
И все излучины
Давно исхожены,
Давно заучены.

Не зря подростками
Косили травы мы
Да под березками
Да под кудрявыми.

Не зря подростками
Сушили травы мы
За перекрестками,
За переправами.

Мы жито сеяли,
А ветры веяли,
Былинку каждую
Для нас лелеяли.

Здесь все, что вдунуло
Нам в душу мужество,
Что в нас солдатское
Ввело содружество,

Что дружбы-верности
Открыло правило,

Что в строй поставило
И в бой отправило.

Мы шли за русскую
Зарю просторную,
За тропку узкую,
Дорогу торную.

Познав свирепую
Тоску солдатскую,
Я воду черпаю
Тяжелой каскою.

Тяну прозрачную
Струю днепровскую
Да под березкою
Да под отцовскою.

А рядом поле то,
Что кровью полито,
Где ком земли сырой
Дороже золота.

Взгляну ль упрямо я,
Пройду ли мимо я,—
Ты здесь, звезда моя,
Неугасимая,

Неопалимая,
Неодолимая —
Земля Советская,
Навек любимая.

Заря просторная,
Как песня русская,
Дорога торная,
Тропинка узкая.

1943

Когда верхи дерев горят,
В низинах синь туман,—
За рядом ряд встает отряд
Смоленских партизан.

Мы по глухой тропе идем,
В траве шумит роса.
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Наш край, поруганный врагом,
Потоптан и сожжен.
Поля засеяны кругом
Слезami наших жен.

Но есть у нас в краю родном,
Пока гремит гроза,
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Сюда от жен и матерей
Мы с думой шли одной:
Как отомстить нам поскорей
Врагу за край родной.

Сияла нам в пути крутом
Нетленная краса,—
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Нас без дорог ведет звезда
Меж сосен и берез,
Когда мы вражьи поезда
Пускаем под откос.

А птичье утро за бугром
Проверит голоса,
Найдем свой дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Судьбе своей в лицо смотреть
Умели мы всю жизнь.
И под огнем стоять насмерть
Друг другу поклялись.

Мы поклялись, — порукой в том
Родные небеса,
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

И если выживем в бою,
Найдем своих подруг —
Победу праздновать свою
В один сойдемся круг.

Друг другу скажем мы притом
И поглядим в глаза:
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

ЛАДА

На теневой дорожке сада,
Что белым пухом занесен,
Ты из весенней песни, Лада.
Вошла в мой юношеский сон.

В руках свирель, на косах русых
Венок из ранних васильков,
И самоцветов ярче в бусах
Огни живые светлячков.

Обдав меня теплом дыханья,
Сказала, голову склоня:
«Пока чисты твои желанья,
Проси что хочешь у меня».

И так просил я, встретив взор твой,
Что прямо в душу мне проник
«Скажи, воды живой и мертвой
Ты можешь мне открыть родник?»

У окон прядали зарницы,
Скрипел за речкой коростель,
А ты взглянула сквозь ресницы
И поднесла к губам свирель.

Все, все, что в детстве было мило,
Мне возвратил напев простой,
Что душу в юности томило —
Летучей стало теплотой,

Я слушал птиц скороговорки.
Твердил деревьев имена,
Встречал весну у Красной горки,
А осень — у ворот гумна.

Когда шумели обмолотки,
Бродила в кадках новина,
По праву я из рук молодки
Брал чарку добрую вина...

Чтил, верный дедовским заветам,
Я все обычаи села...
Тут, побледневшая, с рассветом
Ты песню вдруг оборвала.

И вновь с моим скрестился взор твой,
И вновь мой взор пред ним поник,
Я понял: здесь живой и мертвой
Воды открылся мне родник.

Пей, сколько можешь, сколько надо,
Вовеки не иссякнет он.
И ты не виновата, Лада,
Что я еще не утолен.

1943

Была деревня сожжена дотла,
И, заломив над пепелищем руки,
Стояла расщепленная ветла,
До срока пожелтевшая от муки.

Казалось ей, она обречена
Скорбеть о невозвратном одиноко.
Но лето полыхало, и война
Откатывалась к западу с востока.

И, слушая железный гром в ночи,
О тишине вздыхая, как о чуде,
Уже тянулись, как весной грачи,
Туда, где был отцовский корень, люди;

Туда, где их земля в тоске ждала,
Где, поверяя ветру сны разлуки,
До срока пожелтевшая ветла
Над пепелищем простирала руки.

Она еще не верила сама,
Что здесь весной зазеленеют склоны,
Построят люди новые дома,
Засеют люди прежние загоны.

Врезались в древесину зубья пил,
И топоры щепу швыряли оземь,
Пока посевы теплый дождь кропил,
Пока воронки заливала озимь.

И лист последний не опал с ветлы,
И журавли не протрубили в трубы,—
Как поднялись, просторны и светлы,
Смолой сосновой пахнущие срубы.

И старики, пуская в кольца дым,
Раскуривали трубки, повторяя,
Что корень жизни здесь неистребим,
Что не бесплодна мать-земля сырая.

1943

Шумят, цветут лесные травы —
Кукушкин сон и зверобой,
И месяц встал у переправы,
Где распростились мы с тобой.

Не знали мы тогда, как долги
Разлуки скорбные пути,
Что от Днепра до самой Волги
По ним придется нам дойти;

Что обожжет нам горе веки,
Виски остудит до зимы...
Но как в моря стремятся реки,
Так в отчий край стремимся мы.

Преодолев пути разлуки
И отплатив за все врагу,
Друг другу подали мы руки
На том днепровском берегу,

У той туманной переправы,
Где бродит месяц голубой
И шелестят лесные травы —
Кукушкин сон и зверобой.

1943

* * *

Письмо и карточка в конверте,
Написан четко адрес твой.
Обязан быть готовым к смерти
Солдат, не раз ходивший в бой.

Мы здесь привыкли к этой мысли
И, жажду жизни затая,
Висим на шатком коромысле
У самой грани бытия...

Пусть не легко нам, ну так что же,
К нам век тревожный наш ревнив.
Мы чище сделали и строже,
Все суетное отстранив.

И мерой нас какой ни мерьте,
Как ни оценивайте нас,
Мы здесь в глаза глядели смерти,
И мы не опустили глаз!

1943

НОВЫЙ ДОМ

Всех троп и дорог повороты
Пушком тополей занесло,
Как сладостен воздух работы,
Как свято твое ремесло!

Пусть горестным пеплом пожарищ
Сквозит в волосах седина,
Такого, как ты, не состаришь,
Такому — дорога одна.

Она с ремеслом подружила...
Захочешь ли доли иной,
Придя на правах старожила
В свой край, разоренный войной!

Чтоб русский остался без крова!
С каких это водится пор!
Ты брови ломаешь сурово
И точишь о камень топор.

Умелец, потомственный плотник,
У самого края грозы,
Ты в бревнах тяжелых и плотных
Наметил сквозные пазы.

И вот, уж обтесаны ровно,
В прозрачных накрапах смолы,
Сосновые новые бревна
Ложатся в тугие углы.

Прорублены двери и окна,
Наличники радуют взгляд...
Летят паутины волокна,
Погожее утро сулят.

Пусть смоем дневную усталость,
Как ливень смывает следы
Прорвавшейся зелени ярость
И синь первозданной воды.

Стекая туманами книзу
И краски росой растворя,
Напишет весну по карнизу
Размашистой кистью заря.

Захвачен цветной каруселью,
Ты скажешь, входя на порог:
— Готовься, жена, к новоселью,
Соседей зови на пирог!

Чтоб медом наполнились соты,
Чтоб горе быльем поросло...
Как сладостен воздух работы,
Как свято твое ремесло!

1943—1944

В переулке пустынном, в бревенчатом домике
Поселиться хотел бы я после войны,
Чтоб, листая поэтов любимые томики,
Пить, как мятные капли, отстой тишины.

Только в городе том, где рожден я и
вынянчен,
И в помине бревенчатых домиков нет.
Словно в сказке от страшного Змея
Горыныча —
От войны там остался дымящийся след.

Знаю я, что просторна, светла моя Родина,
Что найдется и мне уголок тишины,
Но затем ли дорога разлуки мной пройдена,
Чтоб оставил я город мой после войны.

Будет сердце крепиться, но как ни крепись
оно,
Все равно наши сны мы забыть не вольны...
Видно было уж так на роду мне написано
Век искать тишины и не знать тишины.

1943—1944

Ты помнишь лето под Смоленском,
Зеленый домик у Днепра?
Бродить по тихим перелескам
Я уходил с тобой с утра.

Еще туман стоит в низине,
Но облака ушли, как сны,
А небеса прозрачно-сини,
А травы влажно-зелены.

Свистят щеглы, спросонок нежась,
Шумят на вырубках овсы...
Всем телом мы вбираем свежесть
Листвы, тумана и росы.

Как будто снова в свете резком
Предстала первых встреч пора...
Ты помнишь лето под Смоленском,
Зеленый домик у Днепра?

Закатов яркие открытки.
Ночей туманный оком...
Да, было нам дано в избытке
Все то, что счастьем мы зовем.

Но, лишь постранствовав по свету,
Увидев дальние края,
Мы оценить сумели эту
Простую радость бытия!

1944

ПАМЯТЬ

Если ты умывался росой на рассвете,
Утирался цветным полотенцем зари,—
То вовек не забудешь, по русской примете,
Как выходят на первый прогон косари.

И когда зацветет на лугах медуница,
Земляникой пахнет отстоявшийся зной,—
Где б ты ни был, тебе непременно приснится
Свет ночного костра на опушке лесной.

Он погаснет и вспыхнет далече, далече,
У истоков прозрачной, как детство, реки...
И опять ты поверишь в счастливые встречи,
В то, что все расстоянья земные близки.

Я и сам, истоптав по военным дорогам
Столько сшитых на совесть солдатских
сапог,
Твердо знал, что однажды, проснувшись
под стогом,
Все найду, что забыть не хотел и не мог.

Наши раны скорей, чем в любом
лазарете,
Заживут, только тропку в лугу протори,
Как бывало, умойся росой на рассвете
И утрись расписным полотенцем зари.

1944

Крутые росстани в тумане,
Прощальный вздох в тени раakit...
О, если б знали мы заране,
Что нам разлука предстоит!

Луну серебряной подковой
Прибив на счастье у ворот,
Обиды мелкой, пустяковой
Не принимали б мы в расчет.

Мы б не разменивали в спорах
На мелочь слов — тех зим и лет,
Тех зорь и радуг, от которых
Всю жизнь в душе хранится след.

Мы б жили, вторя каждой птице
В краю нетронутой весны,
Как ключевой водой криницы,
Бессонной юностью полны.

Ночей и дней раздвинув грани,
Я б всюду шел, как следопыт.
О, если б знали мы заране,
Что нам разлука предстоит!

А может статься, может статься,
Что лучше было нам не знать...
Мы не умели расставаться,
Зато умели встречи ждать.

Для сердца нет верней поруки,
Чем эта терпкая тоска.
Ведь мы увидели в разлуке
Самих себя издавека.

1944

МАТЬ

В поле с ветром шепчется осина,
Хмурит ель в бору седые брови.
На войне у матери три сына,
Три невестки дома у свекрови.

Снег, как соль, рассыпан в звездном блеске,
Каравай луны совсем не начат.
Соберутся у стола невестки,
Повздыхают о мужьях, поплачут.

Только мать не плакала ни разу,
Не вздыхала о разлуке горькой
С той поры, как, верные приказу,
Сыновья простились с ней под горкой.

Ей недолго жить на белом свете,
Что ни день — ее все уже стежка,
А посмотрит — у невесток дети,
Надо каждой пособить немножко.

Сядет потихоньку в уголочке,
Будто горя нет и на копейку.
То для внука штопает чулочки,
То для внучки ладит душегрейку.

И не слышит вьюги-завирухи,
Что в полях шатает перелески.
«Каменное сердце у старухи», —
Говорят, наплакавшись, невестки.

Что ж! Печаль у матери бесслезна,
Улеглась под сердцем непогода...
Ей поплакать и потом не поздно,
Как сыны вернутся из похода.

1944

Как могут эти дни забыться,
Когда на просеке лесной
Мы пили воду из копытца,
Смывая с губ засохший зной.

Качалось небо в пятнах алых,
И плакал ветер-голосей.
Мы оставляли на привалах
Зарытых наскоро друзей.

Кто знал такой разлуки горше?
В ней вся глухая скорбь земли.
От Минска, Витебска и Орши
Из окруженья шли и шли.

Не знали, близко иль далече,
Но знали — надобно идти,
Взвалив на согнутые плечи
Все, что пережито в пути.

Пусть замутились рек истоки,
В крови пожухшая трава,—
Но солнце всходит на востоке,
И, значит, Родина жива.

1944

РУССКАЯ ДОРОГА

От отцовского порога,
От заветного жилья,
Вьется-вьется путь-дорога,
Золотая колея.

Вьется-вьется путь-дорога
Мимо луга, мимо лога,
Мимо сел и городов
Больше тысячи годов.

Не по ней ли, сквозь метели,
День и ночь во все концы
Тройки борзые летели,
Заливались бубенцы?

На кургане журавлином,
Вея временем былинным,
Столб меж трех седых раки
С древней надписью стоит.

В непогоду и в погоду
Сторожит он вражий след:
«Ни проезду, ни проходу
Тут гостям незваным нет».

У туманной переправы
Дымный след затянут травы,
Ворон выклюет глаза,
Кости вымоет гроза.

У привала запевала,
Наш солдатский соловей,
Запевает, как бывало,
Песни юности своей.

В ней до отчего порога
Вьется-вьется путь-дорога
До заветного жилья,
Золотая колея.

1944—1945

ОТЧИЙ КРАЙ

У зимы серебряная сбруя,
Расписной с разводами возок.
В руки вожжи тонкие беру я —
Путь далек да бубенец высок.

На морозе кровь не стынет в теле,
Чует ветра близкое родство,
И несут, несут меня метели
В край счастливый детства моего.

Все, чему мы в снах заветных верим,
Там увидеть можно наяву.
На заре войду я в старый терем,
Бабушку-ведунью позову.

Я скажу ей: «Добрая ведунья,
Высока над теремом заря.
В голубые ночи полнолуныя
Собирала травы ты не зря.

Брось пучок на уголья в печурку,
Сладким дымом, как в былые дни,
Сивку-бурку, вешую каурку,
Из лесов дремучих примани.

Пусть быстрее ветра, легче пуха
Прилетит она, разгорячась,
Влезу к ней, как ты учила, в ухо,
А в другое вылезу тотчас».

Где ты, терем, теплая печурка?
Я махнул рукой — и был таков.
Расстилает гриву сивка-бурка
Выше леса, выше облаков.

Пролечу невидимой дорогой,
Опущусь на луг зеленый тот,
Где олень пасется златорогий,
Золотое дерево растет.

Разве это сон мой в самом деле,
А не явной яви торжество?
Все быстрее несут меня метели
В край счастливый детства моего.

Я за этот край ходил под пули,
Я, как счастья нашего залог,
В пламени, в дыму, железном гуле
В сердце у себя его сберег.

Мне везде за фронтовой дорогой
Виделся зеленый берег тот,
Где олень пасется златорогий,
Золотое дерево растет.

1944

КУТУЗОВ В ПУТИ

Что значит слава полководца?
Давным-давно он славой сыт,
Но вновь у каждого колодца
Навзрыд Россия голосит!

Вновь у крутого перевала
Враги справляют торжество...
Не царь, а Родина призвала
В годину трудную его!

Что б ни случилось, что б ни стало —
Готов он долг исполнить свой...
И вот спешит, забыв про старость,
К полкам в карете почтовой.

Столбы мелькают верстовые,
Поют и плачут бубенцы...
О, кто дорог твоих, Россия,
Найдет начала и концы!

Кто может вычислить на карте,
Как дух сынов твоих велик?
Еще увидит Бонапарте
Твой гневный, твой суровый лик!

...Текучим зноем дня нагреты,
Дороги стелются, пыля.
И он глядит в окно кареты
На перелески и поля.

Гремит кареты грузный кузов.
Полям конца и края нет...
«...Спешит Кутузов бить французов!» —
Бородачи кричат вослед.

Деревня, мостик... У колодца
Журавль скрипучий и тугой,
А сердце бьется, сердце бьется,
Как колокольчик под дугой.

1944

Придя в степи закладывать завод,
Где кочевали полчища Батые,—
Нашли руководители работ
Среди костей две чаши золотые.

Их тайну сохраняют ушедшие века,
Нам не узнать имен героев павших,
Но мастера безвестного рука
Свою печать оставила на чашах.

Он мир просторный в тесный круг введя,
Соединил большое с малым смело,
Чтобы за ратным подвигом вождя
Потомок видел подвиг земледела.

1934

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

От слов, заученных и пресных,
От чувств, что плоти лишены,
Мой современник, мой ровесник,
Мы отвратились в дни войны.

Под визг свинца, под скрежет стали,
Вдали от отчего крыльца
Нас обожгла она, и стали
Огнеупорными сердца.

В них переплавились, как в тигле,
Все наши чувства и мечты,
Мы, возмужав, навек постигли
Закон суровой простоты.

И недоступные гордыне,
И неподкупные во всем,
Ни клятв, ни громких слов отныне
Мы все не произнесем.

Зато из нас уверен каждый,
Что светит нам одна звезда,
И на губах, спаленных жаждой,
Нет — значит нет и да — есть да!

Мы узнаем друг друга в песнях,
Что кровью сердца скреплены...
От слов, заученных и пресных,
Мы отвратились в дни войны.

1945

ДЕНЬ ВСТРЕЧИ

Без дорог, как на гнезда грачи летят,
Выбирая маршрут прямой,
Возвращался в родное село солдат,
Торопился солдат домой.

За спиной мешок, на ремне котелок,
Фронтowej багаж не тяжел...
От Москвы до Берлина был путь далек,
А солдат его весь прошел.

Каждый день, каждый час умереть готов,
Он шагал, не жалел сапог.
Сколько рек переплыл, сколько взял городов,
Он и сам бы сказать не мог.

Не сумел бы открыть ни друзьям, ни жене,
Руку на сердце положив,
Как тонул в воде, как горел в огне
И остался все-таки жив.

Так же зорко смотрят глаза в туман,
Так же спор, как бывало, шаг.
Только в непогодь ломит плечо от ран,
Ветер боя свистит в ушах.

Но об этом ли станет солдат тужить,
Если видел смерть наяву!
До ста лет теперь надо солдату жить,
Сеять хлеб и косить траву.

Звезды спелого лета над ним висят,
Ночь повита цветной каймой.
Возвращался в родное село солдат,
Торопился солдат домой.

Вот и речка, и мостик, упавший ниц,
Берег, выгнутый, словно лук...
Здесь, бывало, он в детстве ловил плотниц
И выслеживал хитрых щук.

Здесь следил по ночам, к бережку припав,
Как ныряла луна меж купав
И тянула русалочий длинный хвост
В чешуе потонувших звезд.

Вперегонку к ногам его волны спешат,
По песку рассыпав горох:
«Дай, мы раны обмоем твои, солдат,
Смоем горькую пыль дорог».

Взявшись за руки, ивы стоят вокруг:
«Разве ты мимо нас пройдешь?»
Коростель зазывает в поемный луг,
Закликает перепел в рожь.

Каждый стебель к нему прикоснуться рад,
Каждый шепчет: «Ты мой, ты мой!»
Возвращался в родное село солдат,
Торопился солдат домой!

Сердцем чувствовал он, завершив сполна
Фронтовые свои дела,
Что земля стосковалась по нем. Она,
Как солдатка, его ждала.

Он недаром прошел мимо встречных сел,
Не присел на пути до утра.
Покраснела калина, чабрец зацвел,
Начинать сенокос пора.

Чтобы тень догоняла его на ветру
И отмеривала часы,
Чтобы звоном заря отвечала в бору
На малиновый звон косы.

Чтобы свежего сена духмяный вал
В жаркий полдень на отдых звал,
Чтобы пела пчела, чтобы шмель гудел,
Прославляя его удел.

Так, шагая с попутчиком-ветром в лад,
От нахлынувших чувств немой,
Возвращался в родное село солдат,
Торопился солдат домой!

А когда облака за гремучий лог
Утром, как на распас, свело,
Встав лицом к заре, промеж трех дорог,
Он увидел родное село.

То село, по которому босиком
Пробежало детство его,
С каждым кустиком, птицей и ручейком
Чуя радостное родство.

Ту селибу отцовскую над бугром,
Где на месте избы рябой
Он поставил в артели высокий дом
И крыльцо увенчал резьбой.

Все увидел и сразу припомнил он,
Как на фронт к нему весть пришла,
Что разбито село его, дом сожжен
И остыла давно зола.

Как потом, не оглядываясь назад,
Шел он первым из боя в бой...
Возвращался в родное село солдат,
Торопился солдат домой.

Думал — так уж сулила сама судьба,
Уводя по крутым путям,
Чтоб ни вбить гвоздя, ни вкопать столба
Без него не успели там.

И дивится теперь не тому солдат,
Что свежа еще боль утрат,
А тому, что на горестном пепле хат
Срубы новые в ряд стоят.

Стрехи кровель росой окропил рассвет,
Спутал тени кривых раkit.
Тут не пригнаны двери, тут окон нет,
А дымок из трубы валит.

Сладко пахнет сосновой сухой щепой,
Мокрой глиной, листвою берез.
Он не прибран еще, этот быт скупой,
Не уютен, но мил до слез.

А солдатка, поди, поднялась давно,
Чует гостя, глядит в окно.
И, поправив мешок за плечом, быстрее
Зашагал к селибе своей.

Дым привалов и ветер крутых переправ
Далеко позади, а тут
От колодца хозяйки, воды набрав,
В полных ведрах небо несут.

Нацедили доярки в тени варка
Молока парного ушат.
Все солдата заметили издалека,
Все навстречу к нему спешат.

И в счастливых слезах, как заря в росе,
После многих ненастных дней,
Из калитки выходит жена, и все
Расступаются перед ней.

Как светящимся облаком, окружена
Золотым сияньем тепла,
Не стыдась наплывающих слез, она
У порога его обняла.

И, дождавшись минуты своей наконец,
Чтобы сына ввести под кров,
Руку сжал и в глаза заглянул отец,
Полный временем до краев.

Пусть же будет навеки день этот свят,
Не осталась судьба вдовой...
Если выполнил честно свой долг солдат,
Значит, счастье принес домой.

За столом, вспоминая походный быт,
Выпив чарку свою до дна,
На хозяйском месте солдат сидит,
Подливает гостям вина.

А гостей, как на свадьбе, полна изба,
Собрались со всего села,
Кто рубил дсма, кто растил хлеба,
Где забота гнездо свила.

Шаток стол, сколоченный из тесин,
Как в землянке его точь-в-точь,
Да зато по правую руку сын,
А по левую руку дочь.

Теплой струйкой по жилам вино течет,
Время медленное торопя,
И отец говорит: «Принимай отчет,
Как справлялись мы без тебя!

Как железом рвал, как огнем палил
Нашу щедрую землю враг,
Как на тучных полях шумел чернобыл,
На дорогах курился прах.

Как, родные знамена увидев вдруг,
Мы поверили в жизнь опять,
Как солдатские жены впрягались в плуг,
Чтоб мужей с урожаем ждать...

Как стояли отцы день и ночь подряд
На высоких лесах зимой,
Чтобы теплую кровлю нашел солдат,
Возвратившись к себе домой!»

И ответил солдат: «Я прямым путем
Из Берлина пришел сюда,
Мне земля рассказала сама о том,
Как сурова ее страда.

Рассказали хлеба, что уборки ждут,
И луга, что травой шумят,
Подтвердили сосновые срубы тут,
Поднимаясь над пеплом хат.

Кто же, ветром войны до пят обожжен,
Не наполнит чарки своей
За солдатских отцов, за солдатских жен
И за солдатских детей!»

Крепок запах полыни и чабреца,
День, как яблоко, непочат,
И с заздравными чарками в лад сердца
У солдатской родни стучат.

Прижимается дочка к его груди,
Кровь отцовскую чует сын,
И открытое лето шумит впереди,
Как зеленый прибой долин.

А что шаток стол, что не струган пол,
Что еще беспокойны сны —
Не беда, ведь хозяин домой пришел,
Возвратился солдат с войны.

Здесь шла война, и воздухом легенд
Мы дышим, трогая железные обломки,
Здесь русскому солдату монумент
Воздвигнут благодарные потомки.

И встанет человек сороковых годов
Тревожного двадцатого столетья,
Что каждый день был умереть готов,
На постамент высокого бессмертья.

С лицом в сраженьях опаленным, он
Перешагнет все рубежи времен,
Из звонкой бронзы выкован победой.

А ты поэт. Ты спал в землянке с ним,
Ходил в разведку по тропам лесным,—
Как он любил, о чем мечтал, поведай.

1945

Тени летят с косогора,
Месяц стоит у куста.
Снова открыты для взора
Милые сердцу места.

Вскрикнула иволга звонко,
Всхлипнул кулик невзначай.
Здравствуй, родная сторонка,
Сына-солдата встречай!

Хочется стать на колени,
Больше крепиться невмочь.
Ты и в Берлине и в Вене
Снилась мне каждую ночь.

Снился простор перекрестка,
В росном дыму молочай...
Здравствуй, сестрица березка,
Брата-солдата встречай!

С пылью стряхну я усталость,
Каждый припомню привал.
Видеть нарядней случалось,
Краше тебя — не видал.

Шел я в жару и в ненастье,
Долог и труден был путь.
Здравствуй, солдатское счастье —
Близким в глаза заглянуть!

1945

Опять в лугах цветет мать-мачеха
На той заречной стороне,
Опять застенчивого мальчика
Хотела б видеть ты во мне.

Хотела б, веря вешним шорохам,
Вернуть давнишнюю мечту,
А я пришел, пропахший порохом,
В пыли походной и в поту.

Ну что ж, садись в тени раковой,
Где собирались мы детьми,
И, если любишь, не распытай,
А только за руку возьми.

Взгляни задумчиво и ласково
В преддверье утренней зари,
Соленый пот пути солдатского
С горячих щек моих сотри.

И не слетит признание с губ еще,
Как, все сомненья истребя,
Войдет мне в душу взор твой любящий
И в ней найдет одну тебя.

И ты поймешь, что счастье нечего,
Как флейту иволги, стеречь,
Что я люблю тебя застенчиво,
Как в пору первых наших встреч!

1946

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Пройдут года, и станет сказкой
Все, чем война была страшна...
Зеленый холм могилы братской
Укроет пухом тишина.

Над ним раскинется калина,
Колосья выметает рожь.
Ты вспомнишь молодость и сына
Сюда под вечер приведешь.

И скажешь ты, большие руки
Ему на плечи положи:
«Твой полдень снился мне в разлуке
У огневого рубежа.

Но ты не сын мне, если ныне
Забудешь тех, кто пал в бою
За гроздь солнца на калине,
За юность щедрую твою».

1946

Вернулись мы с полей войны
И отряхнули прах чужбины,
Воспоминаньями полны,
Как шумом вешних рек ложбины.

Казалось, выйди на бугор,
Где наших троп сошлись излучки,
И все опять увидит взор
Таким, как было до разлуки.

И вот идем мы, не пыля,
Сняв потемневшие шинели.
Шумят спокойно тополя,
Как в нашей юности шумели.

Все так же млеет синева,
Все так же горько пахнут травы,
Знакомой песенки слова
К нам долетают из дубравы.

А мы с тобой глядим вокруг,
Верны путям-дорогам длинным,
И отгул грома ловит слух
В спокойном шуме тополином.

И отсвет молний ловит глаз
На синеве неколебимой.
Мотив, в бои водивший нас,
Звучит нам в песенке любимой...

И мы не раз под всплеск волны
Вздохнем как будто без причины...
Знать, не забыть тревог войны,
Как не стереть со лба морщины.

1946

В ельнике, в сосоннике,
В молодом березнике
Грянули гармоники,
Встретились ровесники,

Обошли приятели,
Каждый кустик трогая,
Все места, где прятали
Детство босоное.

Где в ночных разлужинах
Брали счастье за руки,
Засветив для суженых
Светлячков фонарики.

На иголки хвойные,
Вздох пушинкой сдунувши,
Вспоминают войны,
С чем простились юноши.

Смотрят, не приснились ли
Той поры свидетели?..
Как в походах выросли,
Сами не заметили;

Как в окопах выжили,
Сами удивляются,
Что видали-слышали —
Тем не похваляются.

Возвращенье праздная
У ручья гремучего,
Загадают разное,
А поверят в лучшее.

Впереди у каждого
Сто дорог немереных,
На виду у каждого —
Сто друзей проверенных.

И звенят гармоники,
И поют ровесники
В ельнике, в сосоннике,
В молодом березнике.

1946

Затерялся в пойме где-то
Поворот тропы косой.
Разметалось, дышит лето
Земляникой и росой.

Словно вылеплен из воска,
Таает месяц молодой,
Ловит тень свою березка.
Нагибаясь над водой.

Кипень облака в охалке
Держит старая сосна,
Открывает, встав на лапки,
Ветер двери в терем сна.

Он стоит в прозрачной дымке
Над серебряным прудом.
Мы без шапки-невидимки
Не спеша в него войдем.

Вытрем ноги на пороге,
Вспомним синие луга,
Не покажут нам дороги
Ни Кашей и ни Яга.

Что нам выдумки Кашея,
Старой сказки пересказ,
Если нас живьем в траншее
Зарывал снаряд не раз.

Если, встав со дна могилы,
Жизнь по-новому ценя,
Обрели мы в сердце силы
Не уйти из-под огня.

И теперь мы знаем сами,
Что прошло, что будет впредь,
И открытыми глазами
Можем сны свои смотреть.

На заре под звон криницы
Выйдем в тот чудесный сад,
Где поют по-русски птицы
И деревья говорят.

...Рассветает постепенно,
Уж в траве тропа видна...
Не беда, что стогом сена
Обернулся терем сна.

1945—1946

Пережитым потрясены,
Мы до сих пор храним молчанье,
Как горько в первый день войны
С друзьями павшими прощанье...

Как в день последний тяжело
Воспоминанье для солдата
О тех, чье солнце не взошло
И чьим дорогам нет возврата...

Но, может быть, всего трудней,
Закончив путь в чужих пределах,
Для нас под солнцем мирных дней
Встречать детей осиротелых.

И не солдат меж нами тот,
Кто, возвратясь в родные дали,
Сиротских слез их не утрет
И не утешит их печали.

1946

* * *

В юности мы спрашивали часто:
На какой тропе искать нам счастья?
И постигли, побродив по свету,
Что особых троп у счастья нету.

Где б ни шли мы — счастье с нами рядом,
Только надо видеть зорким взглядом,
Только слышать чутким ухом надо,
Чтоб узнать его, моя отрада.

Счастье — непредвиденный заране
Огонек, мерцающий в тумане,
В знойный полдень родничок студеной,
Путь далекий, до конца пройденный.

Сладкий вздох перегоревшей муки,
Верность, сохраненная в разлуке,
Встреча у отцовского порога,
А наутро — новая дорога.

Новые тревоги и заботы,
Новых троп крутые повороты,
Что всегда ведут к родному краю,—
А иного счастья я не знаю.

1946

* * *

Золотое облако зноя,
Запах трав — медовый, хмельной.
Небо русское расписное
Распахнулось передо мной.

И пылят пути фронтовые
В нескудеющем свете дня...
Солнце жизни моей, Россия,
Укрепи на подвиг меня!

1943

НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

В тумане, у лога лесного,
Грачи, не смолкая, галдят.
Вскрываются реки, и снова
Не спит до рассвета солдат.

Охвачен волнением знакомым,
Следит он всю ночь напролет,
Как с яростным шумом и громом
Весна в наступленье идет.

И вот, горизонт раздвигая,
Рассвету суля торжество,
Весна возникает другая
Пред взором бессонным его.

Он видит родные знамена
Под ветром нездешних долин...
Пришедшие с Волги и Дона,
Гвардейцы штурмуют Берлин.

Отчизны священное имя
Над ними гремит, как салют,
И мертвые вместе с живыми
Встают и в атаку идут.

Их звезды сияют во мраке,
Взлетают ракетами ввысь.
Они для последней атаки
Из братских могил поднялись.

В походных простреленных касках
Сошлись, завершая свой путь,
Все те, кого в списках солдатских
И смерть не могла зачеркнуть.

Идут под огнем неуклонно,
Присяге верны, как один...
Пришедшие с Волги и Дона,
Гвардейцы штурмуют Берлин.

Несут они суд и расплату
За вдов, за калек, за сирот...
Не зря в эту пору солдату
Не спится всю ночь напролет.

И сердце сжимается комом,
И к горлу взмывает волна.
Охвачен волненьем знакомым,
Отходит солдат от окна.

У дома подтаявшей грудой
Снега оседают за тын,
И слышен не грохот орудий,
А треск расколовшихся льдин.

Но разве забыть боевую
Погоду солдатской весны?
Он сумку берет полевую,
Снимает шинель со стены!

Напомнил рассвет петушиный,
Что нынче проверить пора,
В строю ль боевые машины,
Готовы ли в путь трактора.

Заря не успеет зардеться,
А он уж выходит в обход,
Друзей окликает: «Гвардейцы,
Весна в наступленье зовет!»

1946

Снова нам весна глядит в глаза,
Для раздумий не дает отсрочки,
Говорят, что первая гроза
На деревьях разбивает почки.

Говорят, что от второй грозы
По земле течет теплынь густая
И шумят поемные низы,
Молодой травойю зарастая.

А как третья грянет с высоты —
Жди, что ночью, под напев гармоник,
Яблонь розоватые цветы
Полетят к тебе на подоконник.

Выйдешь за калитку по росе,
Разорвав теней тугие сети,
И земля во всей своей красе
Пред тобой предстанет в резком свете.

Но, припомнив всех, кто с нами рос,
Ты, в походах дальних возмужавший,
Помолчишь и скажешь: сколько ж гроз
Пронеслось над молодостью нашей!

Сколько раз наш путь в густом дыму
Озаряли беглые зарницы,
И не время ль расцвести всему,
Что на дне души у нас хранится!

1946

Мы помним все: дороги отступлений
И те пути, что нас вели вперед.
Перед судом грядущих поколений
За каждый шаг свой мы дадим отчет.

Пройдем походным строем перед ними,
В пыли, в поту, в пороховом дыму,
А что когда-то были мы иными —
Не будет даже сниться никому.

Ну что ж! Себя жалеть мы не умели
И юности своей не берегли,
Когда, потуже запахнув шинели,
Из боя в бой без передышки шли.

В пути, утратив счет ночам бессонным,
Забыв приметы лета и зимы,
Мы верили: зачтут потомки все нам,
Чем ради них пожертвовали мы!

1946

Пока влекут тебя дороги,
Где все попутчики — родня,
И ты не медлишь на пороге,
Собравшись в путь с восходом дня;

Пока, стянув ремнем потуже
Мешок походный, ты опять
Готов, как в детстве, пить из лужи,
На мшистой кочке засыпать;

Пока у каждого кочевья
Ты побрататься с ветром рад,
Чтоб знать, о чем шумят деревья,
Что камни молча говорят;

Пока за все, что сердцу снится,
Чем дорога до слез земля,
Ты не желаешь взять синицу,
А ищешь в небе журавля;

Пока тебе не жалко бросить
То, что остыло, как зола,—
Пусть на висках пробьется проседь,
Не верь, что молодость прошла!

1946

СЧАСТЬЕ

Встань, накинь платок на плечи,
Выйдя в поле, посмотри:
Над разливом белой гречи
Паруса большой зари.

Виноваты будем сами,
Если, чуть замедлив ход,
Под такими парусами
Счастье мимо проплывет!

1946

Мы прощались с близкими в надежде
Постучаться вновь в родную дверь,
Но о том, такие ль мы, как прежде,
Разве надо спрашивать теперь?

Что такое дальняя дорога,
Времени натруженная ось?
Это значит — много, очень много
Нам увидеть и узнать пришлось!

Что такое дальняя дорога,
Душу нам пронзившая насквозь?
Это значит — строго, очень строго
Оглянуться на себя пришлось.

Чтоб в мороз теплом дыханья греться,
Спать в снегу, не верить тишине,
Вырывали с кровью мы из сердца
Все, что лишним стало на войне.

Но хранили при любой погоде,
В тьме ночной и в светлый час зари,
Все, что было дорого в походе,
Как патроны или сухари.

Нам, познавшим ярость вражьей злобы,
Не забыть, как землю рвал металл.
В мире слишком беспокойно, чтобы
Я таким, как прежде, снова стал.

1944—1947

СЕМЕНА

Когда готовят к севу семена,
Везде, где плугом мечена дорога,
Их проверяют вдумчиво и строго,
Чтоб не посеять тощего зерна.

Щедра на обещания весна,
Но лето ждет надежного залога...
И мне понятна мудрая тревога
Тех, кто готовит к севу семена.

Увидев их, я говорю себе:
Есть с ними сходство и в твоей судьбе,
С уделом их удел твой одинаков:

Умей слова ценить, как семена,
Чтоб не посеять тощего зерна,
Чтоб васильки не заглушили злаков.

1947

Благословенна отчая земля!

Открыты перед пахарем поля,
Где, у зари весенней на виду,
За бороздой ведет он борозду,
Кладет тугие, ровные пласты
Под небом первозданной чистоты.
И кажется ему у синих вод,
Что лето по следам его идет.
Он вытирает жаркий пот со лба,
А перед ним хлеба, хлеба, хлеба!
Они растут все выше, все дружней.
Уж перепелки окликают жней,
Встают скирды под небом там и тут,
К селу возы груженные плывут,
И в закрома из тысячи ключей
Течет зерно, как золотой ручей...

Благословенна отчая земля!

Те, кто пахал и заседал поля,
Те, для кого жнитво и умолот
Лишь завершение круговых забот,
В урочный час сойдутся у стола,
И станет сразу горница мала.
Они свое прославят ремесло
И скажут: все, что лето принесло,
Чем наша осень щедрая красна,
Под теплым ливнем зачала весна.
Пускай в году все времена равны,
Мы не забудем осенью весны

И выпьем чарки первые до дна
За то, что вечно молода, весна
Велит пахать и засеять поля...
Благословенна отчая земля!

1947

* * *

Есть поговорка русская. Она
Была мне в детстве, как завет, дана.
Ее отец мой повторял в тиши:
— Снял урожай — и вновь поля вспаши.

Я, по отцовским проходя следам,
Ту поговорку сыну передам.
Сын выйдет в поле, скажет в свой черед:
— Былое помни, но гляди вперед!

1947

В тот день, ты помнишь, сеяли овес,
Земля томилась и на зное млела.
В березняке кукушки то и дело
Кого-то окликали на авось.

И с каждым вздохом прибавлялось сил,
И даль все шире открывалась взору.
Казалось — невозможно в эту пору
Скрывать, что в сердце, затаив, носил!

Хотелось заглянуть в лицо судьбе,
Позвать ее: «Ну что же ты, ну где ж ты?..»
И все свои мечты и все надежды
В тот день, ты помнишь, я открыл тебе.

С тех пор прошло немало долгих лет,
За мной суровый, трудный путь солдата,
Но в поле, где встречались мы когда-то,
Тропинки нашей не затерян след.

И где б я ни был в пору первых гроз —
Я сердцем у отцовского предела,
Как в те года, когда весна глядела
В мои глаза, чтоб я быстрее рос.

Пускай не все исполнил я, о чем
Мечтал тогда в прозрачный день
весенний, —
Я в даль дорог гляжу без опасений,
Попутный ветер чуя за плечом.

Я верю, что на все достанет сил,
Что власть дана мне над судьбой моею,
Что я начать и завершить сумею,
Чего не начал, что не завершил.

1948

НА ПОКОСЕ

Ходят песни вдоль разлужин
От зари и до зари.
Я люблю, когда на ужин
Соберутся косари.

Сядут где-нибудь у речки,
Под ракитовым кустом.
Дыма сизого колечки
Вьются в воздухе густом.

На костре трещит валежник,
Котелок кипит давно...
Сколько здешних и нездешних
Дел тут будет решено!

И пока за речкой быстрой
Не заснут перепела —
Все обсудят, как министры
У зеленого стола.

Побывают и в Берлине,
И в Нью-Йорке до утра...
На широкой луговине
Сток в тумане, как гора.

За рекой шумят колосья,
Ветер поверху идет...
До чего ж у нас в колхозе
Государственный народ!

1948

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Вчера, еще совсем раздета,
Весна в лесу таилась где-то.
Там перед ней поодиночке
Торчали пни, кусты и кочки,
Темнел на просеке валежник,
Глядел одним глазком подснежник,
И неуютно было птицам
В верхах нагих деревьев гнеститься.
Они шумели на закате,
Что был бы дождь хороший кстати.
Вдруг потемнело на опушке
И гром ударил, как из пушки,
За ним, без всякой проволоочки,
Полился ливень, как из бочки.
Он гнул деревья так и этак,
Сбивал дроздов с набрякших веток
И загонял в дупло пустое,
Ломая сучья сухостоя.
Пока он лил, крутой и хлесткий,
Весна стояла под березкой,
Ловила шорохи лесные,
Считала молнии косые,
В ладонях небо поднимала,
И все ей было мало, мало.
«А ну, прибавь еще», — просила...
Но у дождя иссякла сила,
И он ослаб.
В мгновенье ока

Встряхнулся лес, вздохнул глубоко
И, подождав на вздох ответа,
Заснул с устатку до рассвета.
Когда ж проснулся изумленный,
Увидел: он совсем зеленый,
Кусты столпились на опушке,
Деревья тянутся друг к дружке,
Трава на кочках шевелится,
И всюду гнезда ладят птицы.
Весна оделась и в тумане
Зари дождалась на поляне,
Но, убедясь, что все в порядке,
Ушла с поляны без оглядки,
Спеша на стежки полевые:
Уж время сеять яровые.

1948

ХОДИТ ПО ПОЛЮ ДЕВЧОНКА

Вешним солнцем окроплен,
Прорастает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Та девчонка — егоза,
Золоченые глаза,
Про которую над речкой
С ветром шепчется лоза.

Я поклон от них принес
Дружной паре русских кос
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей пророс.

Синим утром удивлен,
Зацветает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ходит вдоль и поперек,
До заката путь далек,
Заглянуть в глаза девчонке
Хочет каждый стебелек.

На виду окрестных сел
Я в одну все тропки свел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей зацвел.

Ярым солнцем опален,
Поспевает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ветер, что ли, виноват,
Что девичьим думам в лад
Золоченые головки,
Как бубенчики, звенят?

Кое-что сказать успел
Я девчонке между дел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей поспел.

Льются, льются голоса —
Лен на славу удался,
Волокнистый, шелковистый,
Словно девичья коса.

Слышишь полных чарок звон?
Пей до дна за долгий лен,
За девчонку-сговоренку,
Ту, в чьи косы я влюблен.

1948

Не ходи ты, кудреватый,
Мимо нашей хаты,
Не топчи ты, кудреватый,
В огороде мяты.

Лучше пусть засохнет мята
От тоски девичьей,
Чем тебя я на закате
Позову-поκληчу.

Ты напрасно, чернобровый,
Хвалишься повсюду,
Что с тобою за дубровой
Ждать зари я буду.

Я тропинки позабыла,
Где с тобой ходила,
В той дуброве не бывала,
Где тебя встречала.

Опадает пустоцветом,
По моим приметам,
То, что ты, играя бровью,
Называл любовью.

Не ходи же, кудреватый,
Мимо нашей хаты,
Не топчи же, кудреватый,
В огороде мяты.

1938—1949

* * *

Когда в родных полях пшеница
Шумит-звенит со всех сторон,
Мне вся моя отчизна снится
Под этот шум, под этот звон.

Огни Донбасса и Урала,
Кузнецких домен жар крутой,—
Все, что невидимо вобрала
Пшеница в колос золотой.

1949

Когда в Москве, в концертном зале,
Ты песню русскую поешь,
К твоим ногам из дальней дали
Косые волны гонит рожь.

Мерцают жнивья за дорогой,
У непритоптанной тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где, забывая про усталость,
Ты запевала на ветру
О том, что в поле примечталось
Под звон колосьев поутру,

О скорой встрече у колодца,
У ключевого родника...
А песня льется, песня льется,
Как летний полдень, широка.

Ей тесно там, в концертном зале,
И, всем ветрам наперекор,
Она летит в родные дали,
Как эхо, рвется на простор.

Ей все пути открыты в мире,
Где горизонт высок и чист,
И ловит голос твой в эфире
На полевом стану радист.

Вот он кружится над дорогой,
Над тонкой прошвой той тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где за тобой сияло лето
У синих рощ, у ясных вод...
Девчата слушают: ведь это
Сестра их юности поет!

1950

Муза Н. И. Рыленкова, как и муза учителей — русских поэтов-реалистов, из которых первый, вероятно, Бунин, — отвергала слишком яркое и чересчур резкое, она не знала щегольства и не поражала эффектами, но в большую антологию советской поэзии вошло немалое число его безупречных миниатюр тонкого рисунка и мягкой мелодии.

Н. Ушаков

Когда я рассматриваю в музеях
Картины прославленных живописцев,—
Мне вспоминается фронт под Москвою
И друг из саперного батальона.

Он был, как и я, командиром взвода,
Вставал до зари, надевал фуфайку
И говорил, обжигаясь чаем,
О рвах, эскарпах и контрэскарпах.

А до войны у себя в Смоленске
Писал он лирические пейзажи,
Поля в золотистом мареве зноя,
Луга, где купались в росе березы.

От этих пейзажей его осталась
Лишь горсточка пепла. Они сгорели
От зажигательных бомб немецких
Во время первой бомбардировки.

И горсточку пепла развеял ветер...
Но он не любил говорить об этом,
Молчал, потирая зябкие руки,
Привыкшие к кисти, а не к винтовке.

Мы были знакомы давно, лет десять.
На выставках и вечерах встречались,
Но лишь на войне, в батальоне встретясь,
По-настоящему подружились.

Завидев меня, он бежал навстречу,
Кричал, поблескивая очками:
«Смотрите, смотрите, какое утро,
Какое пиршество красок в небе!

А лес? Что ни куст — то пятно цветное,
И пестрота их не режет глаза.
На полотне лишь большой художник
Такие мазки положить сумеет...»

Я трубку раскуривал. Мне казалось,
Что в Доме искусств мы сидим, листая
Альбомы картин мастеров любимых
В тисненых кожаных переплетах.

А он продолжал: «Вот прогоним немцев,
И я непременно сюда приеду.
Хочу написать подмосковную осень
Во всем ее русском великолепье.

Мне кажется: здесь я всего вернее
Чувствую душу природы русской...»
И вдруг чертежи блиндажей и дотов
Он доставал из своей планшетки.

Я знал, что ночами в сырой землянке
При свете мерцающего огарка
Он делал их тщательно и любовно,
Словно эскизы к своей картине.

А за оврагом гремели зенитки,
Спрятанные на опушке леса,
Ревели фашистские бомбовозы
В огне воздушного заграждения.

И в тесной землянке пред ним возникали
Картины Репина и Левитана,
Которым, как и его пейзажам,
Грозил фашистские зажигалки.

Он видел — ему вручена судьба их...
И он заслонил их собой в ту осень,
А сам навсегда под Москвой остался,
Не написав своей лучшей картины.

Вот почему в тишине музеев,
В гостях у прославленных живописцев
Мне вспоминается снова и снова
Мой друг из саперного батальона.

1951

Мой дед всю жизнь молчал сурово,
Но про себя мечту таил:
«Вот если б знать такое слово,
Что прибавляет людям сил».

Он чуял — силы тают, тают,
А сердце все твердит, твердит:
«Тот, кто такое слово знает,—
Лишь для себя его хранит!»

Так, одинокий и бессильный,
Без лишних жалоб на судьбу,
Он и сошел под холм могильный,
Расправив плечи лишь в гробу.

Поняв, что век недолгий прожит,
Постиг ли он в свой час, скорбя,
Что ничего найти не может,
Кто ищет только для себя?

Не знаю я, но с малолетства
Родное слово свято чту.
То не от деда ли в наследство
Я получил его мечту?

И я готов молчать сурово,
Чтоб ветер дум не погасил,
И я ищу такого слова,
Что прибавляет людям сил.

Ищу всегда, ищу повсюду,
О неудачах не скорбя,
Я верю — я счастливей буду,
Ведь я ищу не для себя!

1951

* * *

Казалось мне, я знаю,
Как песню наизусть:
Что веселит мне душу
И что наводит грусть.

А встретился с тобою —
Все позабыл, и рад,
Что был не впору весел
И грустен невпопад!

1952

Дана нам щедрость — высший дар,
Из сердца бьющий свет.
Тот духом нищ, тот с детства стар,
Кто свел ее на нет:

Дрожит, как скряга-нелюдим,
Над мелочью минут.
Ни добрым словом, ни худым
Его не помянут.

В нем не душа — бесцветный пар,
Ушел — пропал и след.
Дана нам щедрость — высший дар,
Из сердца бьющий свет.

А мы прошли нелегкий путь.
Нас встречный ветер сек.
И все ж не смогут упрекнуть
Нас в скупости вовек.

Я до сих пор еще готов
Упасть, как в детстве, ниц
От вешней свежести цветов,
От первой песни птиц.

От тишины в полдневный час
У заводей речных,
От взгляда ласкового глаз,
Улыбки губ твоих.

И обновленным встать опять
На много, много дней!
...Так как же ты не доверять
Могла любви моей?

1952

Когда дождусь я от тебя привета,
Услышу голос юности моей,
Я вспоминаю не весну, не лето,
А осень и станицу журавлей. -

Мы собирались в дальнюю дорогу,
И с той поры я в сердце берегу
Наш костерок в затишье на лугу
И птиц передотлетную тревогу.

Сухую горечь мяты, от которой
Нет-нет и тронет холодком в тени...
О, как в предчувствии разлуки скорой
Мы незаметно выросли в те дни.

Как дороги нам стежки детства стали,
Укромные местечки первых встреч.
Как, на полслове обрывая речь,
Мы хорошо друг друга понимали!

Мы говорили обо всем на свете,
Не говорили только об одном:
Что время в путь, что мы уже не дети,
Что расставанье ближе с каждым днем.

И вдруг однажды за рекой, где длинной
Каймой по взгорьям озими взошли,
Увидели: кружатся журавли,
Трубя над вечереющей долиной.

ИНЕЙ

Хороша погода зимняя,
Снег вчерашний чуть примят.
В лунном свете блеском инея
До краев наполнен сад.

Ускоряют шаг прохожие,
Ветер тени гонит прочь.
Отчего, скажи, тревожнее
Бьется сердце в эту ночь?

Почему, ответь мне, прожитый
Предо мною год лежит,
Как на первой на пороше той
След подкованных копыт?

Что там видится, что чается
И манит, манит вперед?
То ль былое вспоминается,
То ль небывшее зовет?

А вокруг все, как во сне, бело,
Слышишь только ветки дрожь.
Что тут было, чего не было,
Хоть убей, не разберешь!

Что сбылось, о чем мечтается,
Что тревожит в час иной,
Все в один узор сплетается,
Словно иней под луной!

1953

ДУБОК

Мой приятель лесник
Говорил мне, бывало, не раз:
— Верь тому, кто себя
Не спешит выставлять напоказ.
Погляди на дубок,
Что стоит на опушке лесной.
Позже всех он весной
Расправляет свой лист вырезной.
И так медленно-медленно
Тянется вверх от земли,
Что березы и ветлы
Давно его переросли.
Но корни в земле
Укрепил он, и дай только срок,
Всех оставит в тени
Ставший дубом вчерашний дубок,
Встретит бурю любую,
Спокоен, суров и велик...—
Я слова твои помню,
Мой старый приятель лесник!

1953

ВАРАКУШКА

В кустах над ручьем гнездится,
Хлопочет, сама не своя,
Варакушка, эхо-птица,—
Кумушка соловья.

Чуть смеркнется за рекою,
Падет на траву роса,
Не зная ни сна, ни покоя,
Поет на все голоса.

И сколько напевов разных
Звучит у ее гнезда!
То пеночку передразнит,
То зяблика, то дрозда.

То иволге вторить станет,
В мальчишечью дудку дуть,
То вдруг соловью подтянет,
Не дотянув чуть-чуть.

И снова мотив капризный
Подхватит и поведет.
Вот только ни разу в жизни
По-своему не запоет.

Услышит ее прохожий
У родниковых вод,
Вздохнет: на песню похоже,
А за сердце не берет!

Недаром у нас говорится:
Не всяк соловей в гаю.
Уж лучше ты будь синицей,
Да песенку пой свою!

1953

* * *

На рассвете в апреле в березовой чаше
Дышит воздухом счастья и юности грудь.
Там березовик кажется чище и слаще,
Если прямо к ведерку губами прильнуть.

Пьешь глоток за глотком и от свежего сока
Сам как будто свежее становишься ты.
Снова дали просторны, и небо высоко,
И все мысли ясны, все желанья просты.

Словно день твой минувший и день настоящий
С днем грядущим слились и зовут тебя в путь...
На рассвете в апреле в березовой чаше
Дышит воздухом счастья и юности грудь.

1954

Луга мои поемные,
Просторный шум полей...
Как там вошла — не помню я —
Звезда любви моей.

Но все, что было около,
К чему привык давно,
Вдруг выросло, высокого
Значения полно.

Поверил я, что сбудутся
Мечты и сны мои,
Что станет верной спутницей
Звезда моей любви.

Что, птицами насвистанный,
По детским снам знаком,
Открыт мне мир таинственный
За каждым стебельком.

И с той поры мне явственно
Видна везде, всегда
Не яркая, но ясная
Любви моей звезда.

А сердце неумное
С годами все сильней
Зовет в луга поемные,
В просторный шум полей.

1954

Под окном шумит рябина,
Соловей в саду поет,
Только милый не приходит
И вестей не подает.

Может быть, с другой гуляет
На некошеном лугу.
Одолели меня думы,
Глаз сомкнуть я не могу.

Все давно заснули в доме,
Засветить нельзя огня.
И никто, никто не знает,
Что на сердце у меня.

Выйду, сяду на рябину,
Буду слушать соловья.
Соловей поет разлуку,
Не стерплю, заплачу я.

Ветерок осушит слезы,
Станет легче мне дышать.
...Приходи сегодня, милый,
Завтра так не буду ждать.

1964

Всегда задумчива, скромна,
Как верба у ручья,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Обожжена, как верба та,
Не раз грозой была.
Казалось: нету ни листа,
А смотришь — ожила!

Шумит, как прежде, зелена,
Вчерашний вздох тая,
Моя родная сторона.
Смоленщина моя.

Я на твоих просторах рос,
Лелеял все мечты,
О, дай мне сил, чтоб после гроз
Я оживал, как ты!

1954

* * *

Веселый вестник ливней вешних,
Промчался в небе первый гром,
И вот —
открыл глаза подснежник
И озирается кругом.

Нагих дерев считает ветви,
Кусты, прозрачные насквозь.
Он верит:
все, что есть на свете,—
Лишь для него и родилось.

Зашевелилось, загудело,
Ему справляя торжество.
Он рад всему, и что за дело,
Что были вёсны до него!

1954

* * *

Да, мы с детства богаты упорством!
В дальний путь отправляясь пешком,
Обходиться умели мы черством,
Посоленным вкрутую куском.

Смерив взглядом пройденные дали,
Может быть, удивятся потом,
Но ведь мы всё заранее знали:
И куда, и зачем мы идем!

1954

МУЗЫКА

I

Всю ночь на цыпочках ходили в доме,
Лампады жгли. Рожала госпожа.
И даже сад в предутренней истоме
Стоял, прислушиваясь, чуть дыша.

С зарей раздался первый крик ребенка,
И в тот же миг в густой тени аллея,
В ответ ему, торжественно и звонко,
Проснувшийся защелкал соловей.

И пусть твердят нам, что легенда это.
Нам все равно. Мы сердцем верим ей.
На крик ребенка песней в час рассвета
Не мог не отозваться соловей.

Ведь мы-то знаем хорошо о том,
Что тот ребенок — Глинкой стал потом!

II

Звонили в сельской тишине церквушки,
В саду скликались птицы по кустам,
А ночью лезли сны из-под подушки,
Все тени сказок, прятавшихся там.

Так детство шло. И вдруг — война, тревога.
Дом заколочен. Брошен мирный кров.
С тех пор навек запомнились дорога
И песни ополченцев-мужиков.

Далекие раскаты громовые
И облака, бредущие вразброд...
В тот год, наверно, понял он впервые,
В пути встречая грозовой восход,
Что не село — отчизна, а Россия,
Что, кроме слуг господских, — есть народ!

III

Что до того — церковным ли трезвоном,
Запевками ль смоленского села,
Иль соловьиным посвистом влюбленным
Навеки в душу музыка вошла!

Она вошла и распахнула двери,
Велела спесь дворянскую забыть,
Не думать о богатстве, о карьере,
В искусстве трудном подвиг полюбить.

Постигнуть все. И все начать сначала.
Остаться без семьи и без жилья.
Стареть вдали от отчего причала,
Нигде покоя сердцу не суля,
Чтоб только песня русская звучала,
Широкая, как русская земля!

IV

Опять приснилось детство в Новоспасском.
Где задремала над Десной ветла,
Где на заре старик пастух с подпаском
С жалейками проходят вдоль села.

Где в час полдневный на любой полянке,
С горячих щек не вытирая пот,

Склонясь над сыном, голосом крестьянки
Россия о судьбе своей поет.

Душа звенит и снова верит чуду,
Забудь же одиночество свое,
Забудь друзей постылую остуду,
Ступай в поля, в крестьянское жилье...
Ведь музыку творит народ повсюду,
А мы — лишь аранжируем ее.

V

Среди имен, что дороги нам с детства,
В чьих звуках гордость родины слышна,
Есть два особо дорогих для сердца —
То Пушкина и Глинки имена.

Их кровное родство, а не соседство
На вечные связало времена.
В том, что от них осталось нам в
наследство, —
Душа родной страны воплощена.

Душа страны, в которой так чудесно
Слились народа русского черты:
Спокойное величье простоты,
Открытость в дружбе, стойкость в битве
честной

И вера в правду высшую мечты,
Что нам звучит, как музыка, как песня!

1954

Февраль... Теплом дразнить он рад,
И как не верить тут,
Когда щеглы весь день свистят,
Весну в поля зовут.

Ты ждал: расплачется зима,
Сжав снежный ком в горсти,
И вдруг такая кутерьма,—
Пошла метель мести.

Метет и день, метет и два,
И нету ей конца.
Проложишь след едва-едва
К соседу до крыльца.

Сосед — охотник. Он всегда
Все знает наперед.
И коль соврет, так не беда,—
Уж очень складно врет.

У старика довольный вид,
Погоде не под стать.
— А что? Зима не зря спешит
Запас свой вытрясать.

Февраль не даст отсрочки ей,
Он медлить не привык...—
И ты уж смотришь веселей,
Хоть знаешь — врет старик.

Метель метет, да как метет,—
И свету не видать!
Но сердце верит, сердце ждет
И не устанет ждать.

А поутру, пораньше встав,
Ты улыбнешься вдруг:
— А ведь старик, выходит, прав,
Все улеглось вокруг.

Иль это длится сон? Но сна
Нет ни в одном глазу.
Так глубока и так ясна
За окнами лазурь.

Такой струится в душу свет,
И так им полон ты,
Что и в помине больше нет
Вчерашней маеты.

1955

Ранним летом в кустах лозняка соловьи
Допевают последние песни свои,
И в июньские ночи под плесом Десны
Голоса их все реже и реже слышны.

Лишь один не желает никак перестать,
Помолчит, помолчит и зальется опять.
От зари до зари выводить он готов
Все двенадцать колен на двенадцать ладов.

Он не плачет, хоть песня поется навзрыд,
Он весну отшумевшую благодарит —
За любовь, всколыхнувшую сердце до дна,
За тревогу, что спутницей счастьем дана.

И, заслышав его, мы стоим, не дыша,
И к страде предстоящей готова душа.
Потому-то, быть может, так дорого ей
Все, о чем этот поздний поет соловей!

1955

Теплый ветер края родного,
Запах поля, дымок жилья —
Все тебе, певучее слово,
Боль моя и радость моя.

Родниковой воды отведав,
Я хотел бы вдохнуть в тебя
Все, что сам получил от дедов,
Что коплю для внуков, любя.

1956

Встань на рассвете, слушай и молчи,
Где шепчут ветлы, протирая веки:
Летели гуси-лебеди в ночи
И уронили по пути ключи,
Которыми весна открыла реки...

Кто в эту пору на берег пойдет,
Когда зарю окликнет первый кочет,
Тот, как издревле верит наш народ,
Ключи весны найдет и отомкнет
В природе все, что отомкнуть захочет.

Я тоже верю, русский человек,
Всему, что снится на родном просторе,
И день за днем готов искать весь век
Ключи от тех животворящих рек,
Что утоляют в радости и в горе.

1946—1956

Красна рябина, да горька.
Достанешь гроздь — и бросишь оземь.
Ну, что ж! Не тронь ее, пока
Она не тронута морозом.

В свой срок нагрянут холода,
И первый снег падет в ложбины,
Куда девается тогда
Вся горечь жесткая рябины!

Не спрашивай, что стало с ней,
Припомни лучше на просторе,
Как сам отталкивал друзей,
Пока еще не видел горя!

1956

У наших зим — особенная прелесть:
Под вечер успокоится пурга
И хлынет свет, как будто загорелись
Закатом подоженные снега.

Сидит ворона на дубу жар-птицей,
Стоят оградой терема леса,
И кажется: вот-вот начнут твориться,
Как в мудрой русской сказке, чудеса.

1956

Все богатства русского пейзажа
В полное владенье нам даны:
Вьюжных зим серебряная пряжа,
Кружева зеленые весны.

Летний полдень в поволоке зноя,
Вечер, заглядевшийся в ручей.
Узорочье луговин цветное,
Теплый воск желтеющих полей.

Расписные крылья листопада
Над бездонной синевой озер.
Все это твое, и сердце радо
Целый мир влюбить в родной простор.

1956

Все мне снится: поспевают рожь.
На колосьях теплый свет заката...
Так всю жизнь в душе и бережешь
То, что в детстве полюбил когда-то.

Скажут: это старомодно! Что ж,
Все родное нам навеки свято...
Поле, поспевающая рожь,
На колосьях — теплый свет заката.

1956

Звенит берез осенних грусть,
В лугах отава чуть примята,
И я, признаться, не стыжусь,
Как горько плакал здесь когда-то —

О том, что лето отошло,
Что не сбылись мои мечтанья...
А вот теперь мне так светло
От одного воспоминанья!

1956

Сумерки. Рябиновый закат,
Огонек на жнивьях в дальнем поле...
Друг хороший! Чем я виноват,
Что все это мило мне до боли,

Что в родной простор меня манят,
Памятью пережитого, что ли,
Сумерки, рябиновый закат,
Огонек на жнивьях в дальнем поле!

1957

Я помню руки матери моей,
Хоть нет ее, давно уж нет на свете,
Я рук не знал нежнее и добрей,
Чем жесткие, мозолистые эти.

Я помню руки матери моей,
Что утирали слезы мне когда-то,
В пригоршнях приносили мне с полей
Все, чем весна в родном краю богата.

Я помню руки матери моей,
Суровой ласки редкие мгновенья.
Я становился лучше и сильней
От каждого ее прикосновенья.

Я помню руки матери моей,
Широкие, шершавые ладони.
Они — что ковш. Приникни к ним и пей,
И не сыскать источника бездонней.

Я помню руки матери моей,
И я хочу, чтоб повторяли дети:
«Натруженные руки матерей,
Святее вас нет ничего на свете!»

1957

Как мне родных полей не знать,
В них и любовь моя, и сила.
Меня грудным ребенком мать
С собой на жатву приносила.

Там мне снопы давали тень,
Колосья надо мной звенели,
И ветры добрые весь день
Меня качали в колыбели.

Там по колючему жнивью
Я делал первый шаг неловкий,
И, робость чувствуя мою,
Мне василек кивал головкой.

Когда же детство вдоль межи
Ушло в туманные яруги,
Там встречи первые во ржи
Я назначал моей подруге.

Тревоги юности моей
Там песня жней не раз гасила...
Как мне не знать родных полей,
В них и любовь моя, и сила.

1957

Вновь сквозь дым паровоза
Чую горечь берез,
А запахло березой —
Время сеять овес.

И стою у окна я,
Чтоб поближе к весне,
Тяга, что ль, земляная
Пробудилась во мне?

Все поля и полянки
Мне весной по пути.
На любом полустанке
Здесь готов я сойти,

С трактористами вместе
Ночевать, зоревать,
Первым сельские вести
От грачей узнавать,

Ждать с туманного плеса
Теплых ливней и гроз.
Распустилась береза —
Время сеять овес.

1957

* * *

Я не играл словами, помня
И в стужу лютую, и в зной,
Что у меня деревня Ломня
Есть на Смоленщине лесной.

Там я возрастал в хлебах и травах
И всюду шел с друзьями в ряд.
Слов неправдивых, слов лукавых
Мне там вовеки не простят.

1957

Летней ночи легкое дыханье,
Тишина тропинки луговой,
Под ногами светлячков мерцанье,
Белый свет зарниц над головой.

Я гляжу вокруг влюбленным взглядом,
Узнаю знакомые места,
И, как тень, везде со мною рядом
Ты, моя бессонная мечта.

Так коснись рукой моей руки ты,
Пред тобой за все отвечу я,
Только б слушать, как шумят ракиты
На лугу зеленом у ручья.

Только б вновь, полны очарованья,
Мне открылись рощи и леса!
...Летней ночи легкое дыханье,
Свет зарниц и светлячков мерцанье,
Сказочная русская краса!

1957.

Все в тающей дымке —
Холмы, перелески...
Здесь краски не яркие
И звуки не резки.

Здесь медленны реки,
Туманны озера,
И все ускользает
От беглого взора.

Здесь мало увидеть,
Здесь надо всмотреться,
Чтоб ясной любовью
Наполнилось сердце.

Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья
Нахлынули дружно.

Чтоб вдруг отразили
Бездонные воды
Всю прелесть застенчивой
Русской природы.

1957

ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Выехал в степь богатырь Святогор.
Лебеди тянут с певучих озер,
Дышится вольно под говор копыт,
Силушка в жилушках так и кипит.
Только вот скушно в степи одному,
Не с кем помериться силой ему.
Мощью избыточной обременен,
Едет все дальше и думает он:
«Вот если б тягу земную сыскать,
Мог бы я землю на плечи поднять...»
Вдруг, приглядевшись, увидел: идет
Ровным шажком впереди пешеход.
«Ну-ка,— решил Святогор,— догоню».
Тронул поводья, дал ходу коню.
Конь богатырский пустился в намет,
А пешеход все идет да идет
Тем же шажком далеко впереди...
И закричал Святогор: — Погоди!
Кто ты такой — не могу я понять,
Пеший идешь — на коне не догнать...—
Остановился на зов пешеход,
Сумочку снял и на землю кладет,
Тут подъезжает к нему Святогор,
Так говорит, чтоб начать разговор:
— Русские люди, встречаясь в пути,
Счастье друг другу желают найти.
Но, чтобы счастья тебе пожелать,
Все досконально я должен узнать.
С чем и куда по степи ты идешь,

Что в этой сумочке малой несешь? —
И отвечает ему пешеход:
— Я говорить не люблю наперед.
Если ты сумочку сможешь поднять,
Что в ней — сумеешь и сам угадать...—
Молча слезает с коня Святогор.
Молча на сумочку смотрит в упор.
Стал поднимать богатырской рукой —
Не шевельнул даже сумочки той.
Взялся двумя, понатужился враз —
В землю почти по колена увяз.
«Нет, не поднять», — наконец он решил.
— Что же, скажи, ты в нее положил?
— Аль не узнал? — пешеход говорит.—
В сумочке тяга земная лежит...—
Поднял с земли свою сумочку он,
За плечи бросил и отдал поклон.
Но Святогор окликает: — Постой!
Кто ж ты? — Микула я. Пахарь простой.
Сошка моя в борозде меня ждет...—
Шапкой махнул и подался вперед.
Долго глядит ему вслед Святогор:
— Дивное диво ты, русский простор!

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Возможно ль высказать без слов,
Как мир прекрасен за оградой?
И кисть берет Андрей Рублев,
Разводит краски под лампадой.

Он ангельский напишет лик,
Запечатлеет в нем навеки
Все, что узрел, душой велик,
Возвышенного в человеке.

Свершить обет пришла пора,
Любовь превыше хитрых правил...
Чему учили мастера,
А в этом сам народ наставил.

Он твердо верит: человек
Явился в мир не для печали,
И пьет из тех чистейших рек,
Что в сердце с детских лет журчали.

Суров монашеский приют,
И тишина душе желанна,
А краски дивные поют
Всему живущему: Осанна!

1958

Я не спрашивал — как и к кому,
А ко мне ты приходишь без зова.
По ночам в папиросном дыму
Ты в глаза мои смотришь сурово.

Все, что за день свершить я успел,
Ты представить велишь на проверку.
Правоту моих планов и дел
На свою измеряешь ты мерку.

Ставишь в строку мне каждый пустяк,
Где не нужно был щедр и где скуп я,
Обо всем, что задумал не так,
Говоришь, не щадя самолюбья.

Будоражишь и сон и покой,
На зеленую заводь похожий.
Но всегда после ночи такой
Свежесть утра я чувствую кожей.

Чуть забрезжит рассвет голубой —
На меня устремятся все реки...
Недовольство святое собой,
Я с тобой не расстанусь вовеки!

1958

* * *

Не упрекай, что сердцем я прирос
К земле купав, ромашек и берез
Во глубине моей отчизны милой:
Там мне отрадны даже боль и грусть,
Там я, устав, из ручейка напьюсь
И чувствую, как прибывают силы,
И гонит прочь душа напев унылый,
И непогожих дней я не боюсь.

1958

Пускай угрюмые догматики
Ворчат, я к этому привык.
Я до сих пор еще грамматике
Нет-нет и покажу язык.

Не в школе, а в родных урочищах
Учил я первый свой урок.
Под кронами деревьев рокочущих,
Что песни мне копили впрок.

Еще и азбуки незнаючи,
Не торопясь за парту сесть,
Я на снегу старался заячью
И лисью скоропись прочесть.

Сорочий почерк, почерк галочий
Я мимоходом разбирал,
И лишь потом крючки да палочки
Сам выводить в тетрадке стал.

Старался быть, как мог, прилежнее,
Но часто двойки нес домой,
За то, что видел поле снежное,
А не тетрадь перед собой.

Зубрил я правила грамматики,
А влек меня живой язык.
Так пусть угрюмые догматики
Ворчат. Я к этому привык.

1958

* * *

Кто не был захребетником у века,
Нахлебником у времени не жил,
Кто званьем трудового человека,
Как самым высшим в мире, дорожил;

Кто в жарком деле первым был на месте,
Не ждал наград и не считал обид,
Тот, что б ни случилось, ни хулой, ни лестью
Ровесников своих не оскорбит.

1958

* * *

Сугробов блески слюдяные,
Небес морозных волшебство,
Но как тепло, моя Россия,
Мне от дыханья твоего.

Смолкают ветры за плечами,
Когда в отцовской стороне
Своими вещими очами
Ты прямо в душу смотришь мне.

Глядишь, о счастье не гадая,
Сама судьбу свою творя,
Как ветлы в инее, седая
И молодая, как заря.

Какими ж тайнами владеешь
Ты, возвышаясь над судьбой,
Что с каждым годом молодеешь
И молодеет все с тобой.

Но тайн себе скрывать не надо,
Твои все тайны на виду.
Ведь ты мечту любую рада
Зажечь, как новую звезду.

1958

* * *

На звон и вес испытывать слова —
Высокая и чистая отрада,
Но больше, чем кому другому, надо
Нам, чтоб с землей не утратить родства,
Следить, как пробивается трава,
Как начинает зеленеть листва,
Как запекает зяблик в гуще сада,
И даже за лягушечьим ква-ква
Услышать все, что слышать юность рада,
Иначе — сердце высушит досада,
Что звон и вес утратили слова!

1958

Мне по сердцу ясность
Пейзажа осеннего,
Как пушкинский стих
И как проза Тургенева.

Рукою уверенной
Мастера мудрого
В природе все прибрано,
Лишнее — убрано.

И все так отчетливо
Видится-слышится,
Летят журавли,
Паутинка ль колыхнется.

Но ловит мой слух
И находят глаза мои
Здесь главное самое,
Важное самое.

Дороги с груженными
Хлебом машинами,
Луга с гребешками
Костров петушиными.

Опушку, где тропка
Любая примечена,
Где каждое дерево
Солнцем просвечено.

Ликует сентябрь,
И у ног моих тень его.
Мне по сердцу ясность
Пейзажа осеннего.

1958

Чтоб в глаза тебе время глядело,
Встань под солнцем с открытым лицом.
За какое б ни взялся ты дело —
Не поденщиком будь, а творцом.

Уважай в себе мастера. Требуй —
Больше чем от других — от себя.
И любой — самый скромный свой жребий
Ты прославишь, навек полюбя.

1958

НАДПИСЬ НА СТАРИННОЙ КНИГЕ

Сильней мечей и стрел, неборимей стен,
С высот на дольний мир взирающих надменно,
То слово, где живой огонь запечатлен,
Чтоб сделать явным все, что было сокровенно.

Я видел на веку немало перемен,
В круговороте дней страстей кипела пена.
Я знал земных владык величие и плен,
И вот я говорю: не преклоняй колена!

Коль князь и судия рабы сует дневных —
Непрочна слава их, как свиток из бересты.
Вновь взвешат их дела, путей исчислят версты,
Едва растает дым камильниц золотых.
И спросишь ты себя, почуяв запах тлена:
— За что и перед кем я преклонял колена?

1945—1958

Куда ни посмотришь — родные,
Открытые сердцу края.
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя.

Не ты ли меня окружила
Простором лугов и полей,
Не ты ли меня подружила
С задумчивой музой моей!

Не ты ль полновесного слова
Открыла мне все закрома...
Я знаю — за это сурово
С меня ты и спросишь сама!

Не раз к твоему придорожью
Приду я от песенных рек,
Чтоб даже нечаянной ложью
Тебя не унижить вовек.

Так спрашивай строже — ответу
За все: за подруг и друзей,
За самую краткую встречу
С задумчивой музой моей,

За песни, которым впервые
Внимают родные края...
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя!

1958

Я не знаю своей родословной,
Дальше прадедов счет не идет,
Только знаю — в родне моей кровной
Были все не гулящий народ.

В праздник — песенники, балагуры,
В будни — слово клещами тяни.
И хоть драли с них разом три шкуры,
Все равно выживали они.

Дома разве зимой ночевали,
Чуть весна — у костров на станах.
Ляда прятали, пни корчевали,
Нагоняя на лешего страх.

Жито ль сеяли, травы ль косили —
На земную молились красу.
И дивились медведи их силе,
Уступая дорогу в лесу.

Говорили друг другу соседи:
— Что б у них ни случилось в дому,
Работяги двужильные эти
Не пойдут на поклон ни к кому.

Не заплачут, на улицу выйдя,
Все как есть из избы вынося...
Я на предков моих не в обиде,
Коль характером в них удался!

1958

* * *

Как дерево, что кроной все упорней
Стремится ввысь,
Ветвями небо обняло, а корни
Глубоко под землей сплелись,—

Так я стремлюсь душой к просторам
светлым

Грядущих дней,
А корни там, во глубине столетий,
В преданьях родины моей.

1959

* * *

1959

Я знаю, ты встанешь
На зорьке с постели,
Услышав, что в рощу
Грачи прилетели.

Всю ночь на опушке
Судили-рядили,
Под белой березкой
Весну разбудили.

Весна улыбнулась,
Глаза заблестели:
«Пора за работу,
Грачи прилетели».

Ты из дому выйдешь
Как будто без цели,
А сердце-то знает
Грачи прилетели!

1959

Как мне жалко людей, про которых
Говорят, что угрюмый их глаз
Видит лишь водоемы в озерах,
А в лесу древесины запас;

Кто не может с речушкой сдружиться,
Не заплачет навзрыд с куликом,
Кто не знает, как пахнет душица
На поемном лугу вечером;

Никогда не намокнет под ливнем,
Босиком по росе не пройдет
И под небом пронзительно-синим
Не забудет про дни непогод.

И — о чем бы они ни старались,—
Есть присловье одно про таких:
— Ни себе, ни другим не на радость
Суетливые хлопоты их!

Пей же всласть родниковую воду,
Росной свежестью луга дыши.
Кто не любит родную природу —
Тот не знает народной души!

1959

ГОГОЛЬ В РИМЕ

Какой тоской душа томима,
Чей огонек мигнул вдали?
Нет, не забыть под небом Рима
Родных небес, родной земли;

Туманных весен, зим метельных,
Встреч на дороге столбовой...
Здесь, на чужбине, не отшельник,—
Подвижник он, Россия, твой.

Его влекли сюда не горы
И не лазури торжество,
А подвиг зрелости, который
Стал делом жизни для него.

Тот труд, что Пушкиным завещан,
Все должен вывести на свет,
Чтоб даже Вий, как ни зловещ он,
Казался сказкой детских лет;

Чтоб мѳрок «Мертвых душ» живые
Развеяли, как страшный сон...
Да будет он тобой, Россия,
От наваждений огражден!

Но не зови его до срока,
Бумаги зря не вороши.
Тебя он видит издалека
Очами сердца и души!

Твои цветные карусели,
Твоих косых дождей струи,
Твое открытое веселье
И слезы скрытые твои,

Твое убогое обличье,
Которым дух твой не смущен,
Твое грядущее величье
Средь всех народов и племен.

И, глядя в даль дороги бойкой,
Что в песнях свой разгон берет,
Тебя сравнит он с птицей-тройкой,
Со звоном рвущейся вперед.

А даль твоя необозрима,
А даль твоя — полна чудес...
Нет, не забыть под небом Рима
Родной земли, родных небес.

1959

Лес шумит и звенит —

То весна в нем затеяла пиршество,
Праздник первых цветов,

Первых песен справляет она.
И куда ни пойду я —

Повсюду твой голос мне слышится,
И куда ни взгляну —

Ты за каждым кустом мне видна.
Как же мне не любить тебя,

Как же мне с сердцем управиться,
Как уйти от опушки,

Покоем своим дорожа,
Если только с тобой

Мне земная краса раскрывается
И понятной становится

Русской природы душа!

1959

Много ль мне нужно — краюшка хлеба,
Щепотка соли,
Да под задумчивым русским небом
Дорога в поле.

Памятный с детства дымок деревни,
Запах полыни,
С попутчиками разговор душевный
В тряской машине.

Голос кукушки в глуши краснолесья,
В заросли частой,—
И к сердцу уже подступает песня,
Как слезы счастья.

1959

Я не гордец, но тем не менее
Забьется громче сердце, если
В Таджикистане иль в Армении
На песню мне ответят песней.

Коль где-нибудь в степях Киргизии
Друзья помянут добрым словом
Луга от рос весенних сизые
И дятла стук в бору сосновом.

В широком поле стежки узкие,
Над речкой заросли густые,—
Все, что вмещают песни русские,
Поэтов строфы золотые.

Что будет мне всегда сопутствовать
Из края в край на белом свете...
Ну как же мне себя не чувствовать
За слово русское в ответе!

1959

ОТКРОЮ Я ТОМИК КОЛЬЦОВА

О вешее русское слово,
Строка, что как птица поет...
Открою я томик Кольцова —
И памятью детства пахнет.

За купой берез поседелых,
Что учит зима ворожке,
Горит огонек посиделок,
Предпраздничный вечер в избе.

Рассказаны сказки и были
Про бар, про попов и чертей...
А книжка? Про книжку забыли?
Давай-ка читай, грамотей!

Отцу же того лишь и надо,
Ему, грамотею, почет...
Не пряча довольного взгляда,
Он книжку на скатерть кладет.

Что это за книжка — я знаю,
Хоть с азбукой я незнаком,
И вслед за отцом повторяю
Строку за строкой шепотком.

В них пахаря ясные думы,
В них вольный напев косаря...
И лица, что были угрюмы,
Светлеют, как в поле заря.

У всех расправляются плечи,
С судьбой не пугает их спор.
Далече тот вечер, далече,
Но помнится мне до сих пор.

Открою я томик Кольцова —
И вновь у отцовских ворот.
О вещее русское слово,
Строка, что как птица поет.

1959

ТВОРЧЕСТВО

С. Т. Коненкову

I

Лесной, дремучий Ельнинский уезд.
Кряжи дубы да липы в три обхвата.
Земля трудна, но знали все окрест,
Как работащи мужики — Конята.

Никто здесь хлеба легкого не ест...
Обычай дедов соблюдая свято,
Здесь даже парни, высмотрев невест,
Рядили свах, покуда рожь не сжата.

Семья росла, а в ней из года в год
Трудились все, от мала до велика.
Во всем был свой порядок и черед:
Кто шел косить, кто драл на лапти лыко.
Так, меж других детей, взрастал и тот,
Кого судьба иная позовет.

II

Трещит мороз. Трещит в избе лучина,
Стучат кросна, веретено жужжит.
А мужики сидят по лавкам чинно,
Захожий шорник сказки говорит.

Ах, этот шорник, ну и молодчина!
Какой чудесный мир ему открыт...
Но шорник смолк. Отец глядит на сына:
Все дети спят, лишь он один не спит.

Сидит, колени обхватив руками.
Вот только что летел под облаками
Он на ковре на самолете сам:
Живую воду черпал из криницы,
В тряпице у него перо жар—птицы...
И сердце бьется, верит чудесам.

III

Легко дышать весной в лесу глухом,
Где столько любопытного для взора.
Вон у поляны пень, обросший мхом,
Глядит с лукавством пчеляка Егора.

Вот-вот покличет: ну-ка, батькин сын,
Ступай сюда встречать лесные зори...
А этот дуб меж кленов и осин
Задумался, как дядюшка Григорий.

Что ни коряга здесь — то мужичок,
С тяжелыми руками, с легким взглядом,
В тиши шепнет словечко — и молчок,
Как будто кто-то злой таится рядом.
Ах, если б был он добрый чародей!
Из всех деревьев вызвал бы людей!

IV

Край детства. Ты начало всех начал.
В тебе на сказку было все похоже.
Монах-расстрига чтенью обучал,
А живописи — богомаз захожий.

Что в том, что лики у святых скупы,
Глаза того, кто пишет их, бездонны.

И освящали нехотя попы
Расцвеченные мальчиком иконы.

Но в мальчике уже художник жил —
Мужицкого напористого склада.
И дядюшка Григорий порешил,
Что племяша отдать в науку надо.
Авось прославит свой мужицкий род,
Всех работяг, кто до зари встает.

V

Не позабыть тех милых сердцу мест,
Где так мечталось у костра лесного.
К тропинкам детства в Ельнинский уезд,
Как в дни каникул, потянуло снова.

Как хорошо пройтись там по росе,
Чтоб луг шумел: ступай смелей, не бойся,
И по проселку выйти на шоссе,
Где в первый раз увидел камнебойца.

Узнал он сразу в камнебойце том
Того, кто путь в грядущее мостит нам,
Склонясь, как пред учителем маститым,
Пред тем, кто спину разгибал с трудом.
Он в бронзу отошьет его, чтоб мог
Народ почтить строителя дорог.

VI

И дерево, и камень, и металл —
Все мастеру упорному подвластно.

Все воплотит, что воплотить мечтал,
Тот, кто в мечту свою поверил страстно.

Он свежий ветер чувствует у щек,
Он трудится легко и вдохновенно,
Чтоб вышел Старичок-полевичок
На вольный свет из векового плена.

Он взял резец, чтобы прозрел слепой,
Набрался сил, кто слабым был доньше;
Он все отдаст, чтоб щедрым стал скупой,
Как скрипка под смычком у Паганини;
Чтоб взгляду русской девушки простой
Завидовали древние богини.

VII

Он у руин Акрополя бродил,
Где пахнет пыль и сладостно и горько,
Под ним плескался полноводный Нил,
Его пленял бессонный шум Нью-Йорка.

Что ж, мир широк, дороги далеки,
А красота везде подобна чуду,
Но ельнинские снились земляки
Прославленному мастеру повсюду.

Был каждый взгляд их так ему знаком,
Как будто он всю жизнь лишь с ними
знался.

Ведь сердцем с ними он не расставался
И, жадной жаждой все познать влеком,
Трудягой, мудрым русским мужиком,
Достигнув славы мировой, остался.

VIII

Он в юности о славе, как о чуде,
Мечтал,—и вот, как в юности близки,
По русскому обычаю, на блюде
Хлеб-соль ему подносят земляки.

А перед ним — вся сторона родная,
С полынным зноем, с мятной тишиной.
И, голову седую наклоняя,
Он истово целует хлеб ржаной.

Но к теплой корке прикоснулись губы,
Ко всем, чье сердцу дорого родство.
И что ему всемирной славы трубы,
Что громких юбилеев торжество!
Ваш скромный дар, простые трудолюбцы,—
Вот высшее признание для него!

1959

Сердце, что ль, мое безрассудное
Разгорелось в пути крутом,
Дива дивные, чуда чудные
Мнятся мне за каждым кустом.

Обступают меня кругом они,
С неба падают, как роса.
Различаю я в птичьем гомоне
Всей родни моей голоса.

Сам смеявшийся над небылицами,
Вижу я, оглянувшись вдруг,
Что деревья похожи лицами
На друзей моих и подруг.

И делюсь я с птицами хлебушком,
На поляне присев лесной,
И желаю рябинам, как девушкам,
Доброй осени я весной.

И легка моя участь трудная
Петь о счастье в пути крутом.
Дива дивные, чуда чудные
Ждут меня за каждым кустом.

1960

Пишет девушку в поле художник,
Пишет пятое утро подряд,
И глаза ребятишек дотошных
За мазком его каждым следят.

Уж на холст набегает раздолье,
Где той девушке жить и мечтать,
А художник опять недоволен,
Начинает сначала опять.

Все, что есть золотистого в утре,
Чем на травах сияет роса,
Вложит он в эти рыжие кудри,
В эти ждущие счастья глаза.

А пока — только отсветы вспышки,
Только пятен цветной хоровод...
И не могут понять ребятишки,
Что он ищет, чего не найдет?

Разве то, что невидимо глазу,
У чего и названия нет?
То ли дело фотограф. Он сразу
В полной форме представит портрет!

Что ты скажешь, художник, на это,
Чем поспоришь с фотографом ты,
Если чудо, как радуга лета,
Не вольется в живые черты!

1960

Стога, стога в лугу рассветном,
Туман текущий, как река.
По всем охотничьим приметам
Ты ждешь хорошего денька.

Звенит прохлада заревая,
И чуток слух, и зорок глаз.
Сама душа лесного края
Тебе открыта в этот час.

Я не спрошу: откуда, кто ты,
Какие тропы пересек.
Коль слышишь зов родной природы —
Так, значит, добрый человек!

1960

Не собирал я редкие словечки,
Но звук родной всегда в душе живет.
Вот место, где сливаются две речки,
Его назвал сутоками народ.

И что мне в том, что в словарях толковых
Такого слова не было и нет,
В нем пенье струй я слышу родниковых,
На шелест трав, на шум лесов ответ.

Его истоки глубоки и чисты,
Я сам его прозрачности дивлюсь.
Так пусть дополнят словари лингвисты,
Твердя стихи поэтов наизусть.

1960

* * *

От рифмы, как от детской погремушки,
Мне отмахнуться хочется порой,
Чтоб вникнуть, как, храня свой лад и строй,
Растут хлеба, шумят дерев верхушки,
Как эхо ставит тишине ловушки,
Как ловит звезды речка под горой,
Где пахнет с луга свежестью сырой,
А в лозняке любимых ждут подружки

1960

ХЛЕБ

Кто землю сам пахал, тот за столом
Разрежет хлеб, не уронив ни крошки,
Стянув на свежей скатерти узлом
Во дни страды исхоженные стежки.

Я тоже в поле вырос и окреп,
Шел не прохожим по родному краю.
И по тому, как люди ценят хлеб,
Себе друзей в дорогу выбираю.

1960

СОВЕСТЬ

Мы делаем для памяти зарубки,
Не доверяя собственным следам,
А совесть помнит все наши поступки
И не стареет вопреки годам.

Она скромна. Не говорит ни слова,
Пока не взвесит помыслов и дел,
И вдруг напомнит прямо и сурово
Как раз о том, что ты забыть хотел.

Ей все равно — шумит ли в поле вьюга,
Поют ли в перелеске соловьи —
Держи ответ и ни жены, ни друга
В свидетели напрасно не зови.

Чего скрывать — с ней не легко живется,
Но мы гордимся, в новый путь спеша,
Что совестью издавна зовется
В народе наша русская душа.

1960

Дни пролетья. Тишина межпарья.
Вся природа трепетно чиста.
Поднялась в лугах иван-да-марья —
Русских сказок верная чета.

Как желанной вестнице, ей рады,
Заплетя венки в тени берез,
Надевают лучшие наряды
Девушки, собравшись на покос.

Что им грозы, что им зной палящий.
Луг широк и песнями богат.
Всех весенних ароматов слаще
Молодого сена аромат.

Не оглохнет сердце в птичьем гаме,
Ясень веткой вытрет пот со лба.
Где-то там за первыми стогами
Ждет уж не зазноба, а судьба.

Та, что снится в тишине межпарья,
Если сердцу есть о чем грустить,
Та, что может, как иван-да-марья,
Не связать две доли, а срастить.

Сколько песен спето-недопето,
Сколько зорь погасло на виду,
А душа-то знает: только лето
Может сделать праздником страду.

1960

Все до поры до времени колим
Мы в сердце сокровенные богатства,
Но час придет — с соперником любым
Мы в щедрости сумеем потягаться.

Разделим все, что накопить смогли,
С душой, что нам откроется однажды,
Чтоб вместе пить сладчайшим хмель земли
Губами, пересохшими от жажды.

Чтоб вместе слушать шум лесов и рек,
Смотреть на звезды, облакам дивиться,
Поняв, что счастья ищет человек
Лишь для того, чтоб с кем-то поделиться!

1960

ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ

Памяти И. С. Никитина

I

Заплаканные окна. В тусклом свете
Унылый вид, знакомый с давних пор.
Мечтал учиться в университете,
А угодил на постоянный двор.

О, как судьба умеет насмехаться
Над тем, кто жаждой подвига томим!
С барышником научит торговаться,
Вести беседу с бурлаком хмельным,

Считать полушки и у печки жаркой
Браниться с привередливой кухаркой
Да купчиков заезжих угощать.
Так дни идут. Но, как судьба ни каркай,
Тоски не станет заливать он чаркой,
Он должен, он сумеет устоять.

II

Все улеглось. Ворота на запоре,
На кухне замолкают голоса.
А он не спит. Ему приснилось море,
Невиданная наяву краса.

Он зажигает свечку. Как ни худо,
Есть у него крылатые слова.
Он может с ними улететь отсюда
Туда, где свет — лазурь и синева.

Туда где душу не томит забота,
Туда, где радость плещет через край.
Но, чу! стучат извозчики в ворота!
— Савельич, где пропал ты? Отпирай! —
Скрипят возы, идут со всех сторон.
Он гасит свечку. Снова дворник он.

III

Да, дворник он, но в нем души не чают
Почуявшие волю мужики.
Савельичем по-свойски величают,
Развязывают души, как кульки.

Ему мирская доля не обуза,
Он слышит все сквозь этот шум и гам.
И зря влечет неопытная муза
Его к иным, нездешним берегам.

Там все звенит, но он сюда вернется,
Расправив плечи, возмужав душой,
Лишь о своем по-своему поется,
А он не хочет песни петь чужой.
Он будет пить из своего колодца
И ковш найдет в полыни под межой.

IV

По горло сыт пустой, обидной лаской
Высоких покровителей своих,
Покажет он, какой живет закваской
Его, под сердцем накипевший, стих.

Пусть под окном снега лежат навалом
И кажется, пути-дороги нет,—
Он на дворе прошел, на постоялом,
Народной жизни университет.

Клубок судьбы еще не весь размотан,
Еще справлять не время торжество,
Но песню полным голосом споет он,
И станет песня подвигом его.
Коль не к жене, так к сыну ямщика
Найдет дорогу честная строка.

1960

На городском кладбище в Смоленске покоится прах поэта. Над могилой возвышается скромный памятник, на котором высечены слова из его стихотворения: «Я жил не скупясь, не жалел беспокойного сердца». Эти слова очень точно характеризуют Н. И. Рыленкова, отдавшего без остатка все свои силы, энергию, жар своего сердца Родине, партии, народу.

Ф. Царев

Есть пора завершения работы,
Испытанье высокое сил:
Видишь сделанным начерно все ты,
Что как замысел в сердце носил.

Но не вздумай свалить на усталость
Беспокойство свое в этот час,
То, что так хорошо рисовалось,
Вдруг увидев без всяких прикрас.

Как там время тебя ни торопит,
Самый строгий судья свой теперь,
Сопоставь вдохновенье и опыт,
Воплощенье и замысел сверь.

Пусть ко всем огорченьям в придачу
Ты в себе усомнишься опять,
Надо смело встречать неудачу,
Чтоб достойно удачу принять.

Есть суровый закон, что известен
Всем, испившим воды грозовой:
— Только тот перед временем честен,
Кто умеет быть честным с собой!

1961

ОРЛОВСКАЯ ВЕСНА

Даль лилово-сиренева,
Верит в ясный июнь она.
Здравствуй, город Тургенева,
Город юности Бунина.

Город встречи торжественной
Снов, что в вымыслах явлены.
Как по-русски тут женственны
В палисадниках яблони!

Как, прикрывшись платочками,
Жмутся вишни под окнами!
Тропки вяжутся строчками
Над обрывами окскими.

Мы вникаем в них истово,
На помарки не жалуясь.
Так и кажется: издавна
Где-то тут поджидали нас.

Может, в сумерки ранние
У куста у ракитова
Вновь услышим дыхание
Мы всего забытого.

Может, молодость сызнова
Выйдет, брякнув калиткою,
То ль тургеневской Лизою,
То ли бунинской Ликою.

Но проулучки узкие
Выбегают на улицы,
Но встречают нас вузовки,
Провожают нас вузовцы.

Не они ли отметили
Нам страничку любимую,
Призывая в свидетели
Всю Россию глубинную?

Облик дня незабвенного,
Тишь громами приструнена...
Вот он, город Тургенева,
Город юности Бунина.

1961

БАЙКАЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я вдохновенья не искал,
Не уходил от чьих-то козней,
Когда на берег твой, Байкал,
Пришел с моей любовью поздней.

Я шел, родной простор любя.
Где большаком, где тропкой узкой.
Но был не полон без тебя
Чудесный мир природы русской.

Я в кипень рек глядел с плотин,
Лесов дремучих слышал шум я
И серебром седин платил
В пути за все мои раздумья.

То птиц пролетных окликал,
То с облаками вел беседу,
И, наконец, к тебе, Байкал,
Пришел по каменному следу.

Ты столько ж, сколько дней в году,
В себя вобравший рек и речек.
Как будто знал, что я приду,
За каждый тайный вздох ответчик.

Я долго шел к тебе, прости,
Но все упорней год от году
Пью на коленях из горсти
Твою блистающую воду.

Я достаю ее со дна,
Где, словно тени звезд, каменья,—
Она чиста и холодна,
Она знобит, как вдохновенье.

Мне люб ее железный вкус...
Так вот чего мне не хватало!
Я про себя давно пекусь,
Как слову дать закал металла.

А в руках отражена
Вся наша ширь в наплыве щедром,
Там иван-чай и сарана,
А там березка рядом с кедром.

И пред лицом прибрежных скал,
С тобой лишь мерившихся силой,
Я говорю тебе, Байкал,
Спасибо, что ты есть в России!

Что мне еще сказать тебе,
Ступив на берег всей стопою?
Я все прощу моей судьбе
За то, что встретился с тобою!

Нашел я больше, чем искал,
В краю, где щедрость не причуда.
Деревья, тени, ребра скал
Я унесу с собой отсюда.

Все отнесу друзьям своим,
Все раздарю — и будет мало...
Коль пил я воду из Байкала,
Так не к лицу мне быть скупым!

Архитектор ты иль ваятель,
 Живописец ты или поэт,—
 Что такое твое искусство,
 Как не бьющий из сердца свет!

Свет любви твоей к той речушке,
 Что из сказок детства течет,
 К той дорожке, что год за годом
 Круче радуг подъем берет.

К той избушке на курьих ножках,
 Где ходил ты под стол пешком,
 К той ветле, на которой месяц
 Ночевал за твоим окном.

К заводилам в ребячьих играх,
 С кем ты все делил пополам,
 И к наставникам самым главным,
 Первым школьным учителям.

К тем рассветам и к тем закатам,
 Что в Москву за тобой пришли,
 К босоногим дождям, что в город
 Вносят запах родной земли.

Ко всему, что зовешь отчизной,
 Чем душа народа жива.
 А без этого нет на свете
 Ни таланта, ни мастерства.

1961

Мы проникаем в тайники природы,
Явлений устанавливаем связь,
Ничуть не меньше, чем в былые годы,
Цветку весны и соловью дивясь.

И в формулы вмещая путь свой длинный,
Соединивший годы и века,
Заплачем вдруг от песни соловьиной,
От запаха невзрачного цветка.

1961

Я помню долг свой пред тобой, Россия,
Я не забуду никогда о нем.
Всего, чего просил и не просил я,
Ты вдоволь мне дала в краю родном.

Не все как надо видевший сначала,
Теперь благодарю судьбу свою —
За то, что так упорно приучала
Ходить босым по жесткому жнивью.

Дала постичь, как колются колосья,
Оберегая золотой родник...
Ведь если что-то сделать удалось мне,
Так потому, что я к жнивью привык,

Что кожу впору выдубило лето
И пропитало духом чабреца.
А чем с тобой я расплачусь за это,
Как не строкой правдивой до конца!

1961

Ю. Гагарину

Мне звук родного слова дорог,
Как вдохновения сигнал.
Вот и в космических просторах
Земляк мой первый побывал.
Что для него природы косность,
Он окрылил ее уже!
— А где ж, поэзия, твой космос?
— Да в человеческой душе.

1961

ЗЕМЛЯ

Путь хлебороба — не лукавый путь,
Земля от века учит жить правдиво,
Людскую гордость обмануть не диво,
А землю невозможно обмануть.

Она добра, но ей не жаль ничуть
Тех, кто хитрил, трудился нерадиво.
Проси, грози — не всколосится нива,
Возделанная наспех, как-нибудь.

Все примеряя — так или иначе,
Ее уроки не забыть в пути.
Не верь случайно выпавшей удаче,
Не льсти судьбе, но и себе не льсти.

Земля сама твою покажет суть.
Путь хлебороба — не лукавый путь.

1961

ИЗ СТИХОВ О ДЕТСТВЕ

I

Нет, из лесной таинственной избушки
Нам дед-мороз не приносил игрушки,
И все ж судьба к нам не была скупа.
Мы к первопутку у себя в клетушке
Строгали лыжи, мастерили клюшки.
Нам не забыть, как сладко пахли стружки,
Опилок золотистая крупа.

II

Бывало, лишь кивнет через плечо нам
Зима: «А чем сегодня пахнет снег?»
Как мы заспорим: «Яблоком моченым!»
«Нет, пирогом, с грибами испеченным!»
«Нет, творогом, что подают к драченам!...»
А день звенит сосульками у стрех,
И все довольны, радость есть у всех.

III

Нырнула ночь за уголок подушки,
В сучок в стене ушла ее тропа.
Мы утро пьем, как молоко из кружки,
А на столе уже блинов стопа.
Да что блины! Скорей бы нам одеться
И на мороз, где санки так быстры.
На них-то и умчимся мы из детства.
Не оглянувшись, как с крутой горы.
1961

ПЧЕЛА

Среди книжных людей Древней Руси
были очень популярны сборники нравоучительных изречений «Пчела».

Уж не поднять поникшего чела,
Взгляд все туманней, плечи все сутулей,
Но я всю жизнь трудился, как пчела,
Что мед по капле носит в общий улей.

В угрюмой келье, где чуть внятный зов
Смушал мои раздумья не однажды,
Я изречения древних мудрецов
Переписал для утоленья жажды.

И пусть всю ночь я не встаю с колен,
Когда душа сомненьями язвима.
Я внес в твой мед, мой Днепр, мой Борисфен,
Эллады аромат и горечь Рима.

Неужто лишним правнуки найдут
Мой безымянный, мой пчелиный труд?

1961

ЯРОСЛАВНА

Путивльский шлях. Полынная тоска,
Твой ждущий взгляд сквозь слезы —
синий-синий.

Вошла ты Ярославною в века,
А в терему осталась Евфросиньей.

Ты подвиг свой свершала в тишине,
Смотрела в горе ясными глазами,
Чтоб в час зари на городской стене
Вздохнуть и душу облегчить слезами.

Давным-давно забыли камыши
И стук мечей, и чарок звон заздравный,
Но, голос твой узнав в родной глуши,
Мы повторим не раз под шум дубравный,
Что вдохновенье — тот же вздох души,
Что Евфросинью сделал Ярославной.

1961

К ПОРТРЕТУ ЛОМОНОСОВА

Его влекли и формулы и звуки,
Земные недра и пути светил.
Постигнул он поэзию науки,
Науке дверь в поэзию открыл.

Металлы плавил он, иль трогал лиру,
Иль к телескопу принимал в тиши,—
Во всем являл на удивленье миру
Величье русской жаждущей души.

Нигде, ни в чем не видевший предела,
Упрямо слово претворявший в дело,
Неукротимой страсти не тая,
Он стал в веках звездой путеводной
Для всех, кто шел из глубины народной
К твоим вершинам, Родина моя!

1961

ЗВАНЬЕ ПОЭТА

То званье, что Пушкин и Лермонтов,
Некрасов и Тютчев носили,
Живет не старея, согретое
У самого сердца России.

А кто, к тому званью причисленный,
Не мерит их подвигом труд свой,—
Того ухищренья бессмысленны,
С чернилами вместе сотрутся.

Всегда правдолюбцы-воители,
Чьи в тучах изваяны лица,
В поэте сподвижника видели,
Глядящего вдаль прозорливца.

Под грозами века рожденные,
Не раз убеждались мы снова,
Что только судьбой подтвержденное
Крылатым становится слово.

С пути не вернется назад оно,
Хоть крылья под ветром натрудит,
Везде, по полету угадано,
В сердцах оно принято будет.

И детским покажутся лепетом
Пред ним виршеплетов усилья...
О званье, что Пушкин и Лермонтов,
Некрасов и Тютчев носили!

1961

МЕРА

И влюблялся в Рембо,
и дивился я Аполлинеру,
Но в годину тревог
были Блок и Есенин со мной.
С той поры я в поэзии
знаю одну только меру:
Звук такой же щемящий,
как эхо долины родной!

1961

Я не из тех, кто рад предать забвению
Все то, что было создано до нас.
Дивлюсь я многих мастеров уменью.
Рублев и Врубель мне нужны в свой час.

Я в старых храмах не молюсь иконам,
Не падаю пред статуями ниц,
Но всех веков наследником законным
Иду под вспышки грозových зарниц.

Не вдохновенья ль подвиг благородный
Дает узреть незримые черты,
Чтоб человек все выше, все свободней
Вставал в извечной жажде красоты,
В той жажде, что накоплена в веках
И не иссякнет на земных путях.

1962

Сын возмужавший нежностей стыдится,
В своей любви не уверяет мать,
Зато ни в чем пред нею не таится
И все готов на суд ее отдать.

А у меня уже виски седые,
Моих раздумий бесконечна нить,
И я хочу без лишних слов, Россия.
Как с матерью, с тобою говорить.

1962

Я, признаться, жить хотел бы долго,
Каждый день по-новому ценя,
Чтобы непогашенного долга
Не осталось в жизни у меня.

Чтобы ежедневно, ежечасно,
Вспоминая путь свой средь тревог,
Всех, кого обидел я напрасно,
Чем-нибудь порадовать бы смог.

Ну, а если это невозможно
И до срока я сваюсь без сил,
Пусть хоть знают те, кому я должен,
Что со всех дорог я к ним спешил.

Не владевший рогом изобилья,
Заходивший часто за предел,
Про свои долги не позабыл я,
Только заплатить не все успел.

1962

По дороге на Кара-Даг
Палку вырезал я из кизила,
Чтоб в селеньях и городах
Свежесть горных лугов сквозила.

Мне такую строгать не лень,
По душе мне пришлась работа,
И на палке моей олень
Запрокинул рога с разлета.

Он, познавший немало круч,
Лучший спутник души поэта,
Взять велит не перо, а луч,
Не чернила, а синь рассвета.

Я на палку мою обопрусь,
Всей природы пойму веленья.
Пусть за каждой опушкой Русь
Слышит трубный голос оленя.

1962

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Что стих? Обвал снегов.

Т. Табидзе

От друзей мне не надо таиться.
Кто меж нами проложит межу?
Вновь стихи Тициана Табидзе
Я в бессонные ночи твержу.

Вновь загадкам еще небывалым
В них ищу я отгадок простых.
Что мне сделать, чтоб снежным обвалом
Падал на душу каждый мой стих?

А поэт, что с гвоздикой в петлице
Шел по жизни, глядит мне в глаза:
— Будь готовым за все расплатиться,
Что не высказать сердцу нельзя!

1962

ВЕРНОСТЬ

Золотое небо Грузии,
Тень платана, шум застолыцы,
А в душе березки русые
Да смоленских сел околицы.

Те луга, поля заречные,
Где девчата хороводятся,
Где во ржи дорожки встречные,
Словно две подружки, сходятся.

Все, что с юности мы вызнали,
Что без слова в песне скажется,
Чем земля родная издали
Нам еще роднее кажется.

1962

Как монотонно лес шумит в тиши,
Роняя тени спутанные наземь,
Но погоди, подумай, не спеши,
Не попрекай его однообразием.

Его на грани лета и весны
Гроза не раз крылом своим зацепит,
И ты услышишь струнный звук сосны,
И ропот дуба, и осины лепет.

1963

Не оставили деда портретов для нас,
Уходя за ограду погоста мирского,
Но родные черты узнаем мы сейчас
У философов сельских с полотен Крамского.

И пускай фотографии наших отцов
Улыбаются робко и скупно с простенков,—
Русских витязей в них разглядел Васнецов,
А в подруги им дал свою Ладу Коненков.

О искусство! Остайся влюбленным и впредь,
Пусть не тронет тебя никакая остуда.
Разве может когда на земле устареть
Человечьего сердца великое чудо!

1968

МАСТЕР ФЕДОР КОНЬ В СМОЛЕНСКЕ

Пока подвластны глина и огонь,
Отвес и камень — жить на свете стоит.
Холмы надежны. Мастер Федор Конь
Сей град на диво временам обстроит.

Пусть на Москве трезвонит царь-юрод,
Пусть ждет Борис его кончины скорой,—
Он тут такую крепость возведет,
Что станет в бедах родине опорой.

Со всей Руси собрав гулящий люд,
Не выставлял он ни вина, ни меда.
Печет жара, косые ливни льют,
Но в общем деле не тяжка невзгода.
Сильней и выше царской власти тут
Дерзанье мастера и труд народа.

1963

* * *

Мужавший на сквозном ветру,
Я видел взлеты и паденья,
Страстей высокое боренье
И мелких помыслов игру.

Но верю я — и с тем умру, —
Что в вечной жажде обновленья,
Как к свету тянутся растенья,
Так люди тянутся к добру.

1968

* * *

Не презирай высокомерно истин,
Что прописными гордецы зовут,
Ведь если ты правдив и бескорыстен —
Не обошлось без прописей и тут.

1963

Позабуду ль, как сладко
 мне в детстве спалось на соломе,
Как дарила мне юность
 луга, что душистее сот.
И теперь, и вовек
 ничего не желаю я, кроме
Тех чистейших даров,
 что спокойная совесть несет.

1963

Кто по росе не замочил колена,
Не ел кулеш, что варят косари,—
Тот не почует свежести зари
В клочке сухого летошнего сена.
И тут уж не помогут словари.

1968

* * *

Придет и минет срок цвести цветам в лугу,
В дубравах птицам петь, посевам колоситься,
Но сердце не цветок, не колос и не птица.

Ему тепло в мороз, оно поет в пургу,
Покуда верю я, что лучше стать могу,
Покуда не хочу на том, что есть, смириться.

1963

Какое счастье, старый друг,
Над городом услышать вдруг
Станицу журавлей!
Они трубят издалека
И раздвигают облака,
Чтоб шла весна смелей.

За журавлиным косяком
Готов уйти я босиком,
Как уходил не раз,
Туда, где месяц молодой,
Умывшись талою водой,
Нам сто чудес припас.

Где зелены кропит роса,
Вещают птички голоса,
Что травы в рост пошли,
Где чуток ветер, как струна,
Где для души хмельней вина
Весенний дух земли!

О вещий дух земли родной!
Он с каждой новой весной
Нам слаще и милей...
Какое счастье, старый друг,
Над городом услышать вдруг
Станицу журавлей!

1963

Люблю нехитрый ваш уют,
Окраинные дворики,
Где люди попросту живут —
Как в долг берут, как в долг дают,
Как в кости бьют, как пиво пьют,
Как под гармонику поют,—
И надо всем вершат свой суд
Без всяческой риторики.

1963

КОСМОНАВТЫ

I

О Родина, ты еще мало воспета,
Как робкая ласточка вьется мой стих,
Когда за ракетой несется ракета
В небесные дали с просторов твоих.

Все силы души разбудив в человеке,
До звезд ты возносишь его бытие...
Да будет такими делами вовеки
Прославлено доброе имя твое!

II

И вот уже в космическом пространстве
Друг друга окликают корабли.
Я думаю о гордом постоянстве,
О мужестве сынов моей земли.

Мне хочется воскликнуть: как нелепа
Вражда, что гибелью грозит во мгле!
Пусть люди рвутся в небо, выше в небо,
Чтоб сделать жизнь бессмертной на земле!

III

Давно ль суеверно по звездам хвостатым,
Косматым
О судьбах народов гадали людские умы,
А наши девчата подносят цветы космонавтам,
О небе рассказы их запросто слушаем мы.

V

Когда над суетой дневных событий
Я слышу голос, крепнувший вдали,
Что снова на космической орбите
Мой современник, сын моей Земли,

Я знаю — это Родина в полете
Возносит в небо подвиг свой земной,
И сам преодолеваю косность плоти
И ощущаю крылья за спиной.

1963

В глухой степи, на месте древних сеч,
Где клады сторожат орлы седые,—
Нашли зазубренный старинный меч
И рядом с ним две чаши золотые.

Их тайну сохраняют ушедшие века
От дерзостных вопросов наших,
Но мастера безвестного рука
Свою печать оставила на чашах.

В один узор он заплести сумел,
Соединив невидимые грани,
Воителя и пахаря удел,
И сбор плодов, и пир на поле брани.

Так, мир просторный в тесный круг введя,
Он вновь его для нас раздвинул смело,
Чтоб в нем за ратным подвигом вождя
Потомок видел подвиг земледела...

Погиб, быть может, мастер от меча,
Что здесь лежал, зазубренный и ржавый,
Но дар его дошел до нас, уча
Любить свой труд и не прельщаться славой.

1964

Земля стара, а жизнь всегда нова,
Ее открытиям нет конца и края.
Своих отцов наследуя права,
Мы продолжаем их, не повторяя.

И наши дети нас не повторяют,
Мы в них себя совсем иных увидим.
Кто знает жизнь и опытом богат,
Тот не подвластен мелочным обидам.

1964

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Победителю ученику от побежденного
учителя.

В. А. Жуковский

Был дерзок Пушкин молодой,
На праздник муз пришедший юношей
И под счастливою звездой
С Жуковским состязаться вздумавший.

Жуковский был душой велик,
И, Пушкина средь многих выделя,
Он знал: достойный ученик
Обязан превзойти учителя.

А Пушкин верил в свой удел,
И вот, на зависть небожителям,
В единоборстве одолел
Того, кто был его учителем.

И в память лучшей из побед,
У родника любви бездонного,
С бессмертной надписью портрет
Он получил от побежденного.

Что зависть? Черствый в горле ком,
А жизнь, как песня, удивительна.
Кто побежден учеником,
Тот делит славу победителя.

1964

Разум и совесть — отец и мать.
Есть кому песню благословлять.
Если в согласие они живут —
В путь несмышленную не пошлют.
Научат — как правду в лицо узнать —
Разум и совесть, отец и мать.

Если ж согласия меж ними нет —
Уйдет она смутная в белый свет.
Примет в пути, что остер, как нож.
Ложь за правду, правду за ложь.
Будут напрасно назад ее звать
Разум и совесть, отец и мать.
Разум и совесть, отец и мать,
Вместе им радоваться и горевать,

1964

СНЕГИРИ

Неуютно зимою в лесу снегирам,
И они к человеку поближе слетаются.
Вот и в нашем саду, как мороз ни упрям,
Целый день на ребячьих свистульках
скликаются.

Дорогая моя, мы их вспомним не раз,
Нас с тобою пугать одиночеством нечего.
Пусть весной снегири улетают от нас,—
В стужу им не прожить без тепла человеческого.

1964

ПРАЗДНИК ЗИМЫ

Скачут кони свозь пар морозный.
Бубенцы взახлеб говорят.
Как царевны, стоят березы
В жемчугах с головы до пят.

Самоцветов бросают горсти,
Не зевай, на лету лови.
Мчат нас кони к юности в гости,
К самой чистой нашей любви.

Что считать понапрасну версты,
Расстояний сегодня нет.
В конских гривах запутались звезды,
Льется в душу сказочный свет.

Не придумать лучшей погоды,
Сердце знает свой день и час.
Вслед за нами несутся годы
И в пути отстают от нас.

Стоп! Приехали. Где подарки?
Как давно не видались мы...
Не смолкает музыка в парке,
Длится праздник русской зимы.

1964

ДАЙ ПРИПАСТЬ К РУКЕ ТВОЕЙ, РОССИЯ

Скрылся день в туманы росяные,
Отпылали облаков края.
Дай припасть к руке твоей, Россия,
Вечная заботница моя.

Дай поцеловать твои мозоли,
Чтоб, как в детстве, сеном я пропах,
Чтоб навек остался привкус соли
На моих запекшихся губах.

Пусть войдет мне в душу каждый шорох,
Каждый вздох в краю моем родном.
Я всю жизнь учусь в твоих просторах
Жить, как пахарь твой,— грядущим днем.

Видел я не раз иные дали,
Но мечтал лишь об одном, любя,—
Чтоб друзья и недруги сказали,
Что характером я весь в тебя.

Мне таить перед тобой не надо,
Где я плакал, где дарил цветы.
Все, что скрыто от чужого взгляда,
Материнским сердцем чуешь ты.

Освежит мои виски седые
Лишь твоя певучая струя.
Дай припасть к руке твоей, Россия,
Вечная заботница моя!

1965

Кому какой дается жребий,
Какая песня под луной,
А я взрастал на черном хлебе.
То хлеб земли моей родной.

Его солил я крупной солью
И запивал воды глотком,
С ним по широкому раздолью
Ходил за плугом босиком.

Я молотил и веял жито,
За стол садился не спеша,
Я знал: в ржаной ковриге скрыта
Всей доброты земной душа.

Святая мудрость землепашца
В ней навсегда воплощена.
Ни возгордиться, ни зазнаться
Не даст в дороге мне она.

И нужно мне под русским небом,
Чтоб каждый день и каждый миг
Ладони, пахнущие хлебом,
Я чуял на плечах моих.

1965

ПОЭТ

Снова настежь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

Нет ни горькой, ни сладкой отравы,
Все заклатья, все чары сняты.
Веют свежестью юности травы,
Пахнут первой любовью цветы.

Всеми росами Родины вымыт,
Забияка и сорванец,
Знает он, что поэзия — климат,
Лучший климат для душ и сердец.

Не пугаясь моторного лая,
Держит песню весна на крыле.
Все живущее благословляя,
Он идет по зеленой земле.

Вот они, те просторы родные,
Где когда-то он рос под межой,
Где его научила Россия
Петь и плакать с открытой душой.

И за верность напевам заветным,
Для которых и грусть не беда.
Он останется тридцатилетним,
Молодым, как рассвет, навсегда.

Снова настежь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

1965

* * *

Тот, кем взлелеян каждый плод,
С кем век глядит в глаза природе,
Нам заноситься не дает
И учит при любой погоде —
Поменьше думать за народ,
Побольше думать о народе.

1965

Душа стремится вглубь, к первоосновам
Всех радостей земных и всех забот,
Туда, где хлеб насущный наш растет
И бродят сказки по борам сосновым.

Туда, где стыдно жить на всем готовом,
Где совесть отпущенья не дает,
Коль промолчишь, воды набравши в рот,
Пред ложью, что святым прикрылась
словом.

Зато припавший к струям родниковым
В свой лучший час там силу обретет
Нежданных не бояться непогод,
Быть до конца и добрым и суровым.
Душа стремится вглубь, к первоосновам
Всех радостей земных и всех забот.

1965

* * *

Борьба с природой? Нет, мне странно слышать
это.
Борьбу ведут с врагом, а нам природа — мать.
Любовью к ней зажжен в нас тот источник
света,
Который столько тайн помог нам разгадать.

Она отдаст нам все: — Бери, но не уродуй
Извечной красоты для суетных затей...—
И тянет нас побыть наедине с природой.
Как заглянуть в глаза наставницы своей.

1965

* * *

О таинства великие природы,
Вникать в их смысл нам велено судьбой.
Когда виски посеребрили годы.
И ты познал изменчивость погоды,—
Нет выше счастья, чем увидеть всходы
На ниве, что засеяна тобой!

1965

КОСТРОМА

Е. Осетрову

Ты из древних дебрей, Кострома,
Подняла над Волгой терема,
Словно чуя чей-то дальний зов,
Развернула крылья парусов.

Сказочное имя, Кострома,
Получила ты не задарма.
В имени твоём шумят боры,
В имени твоём дымят костры.

В тех борах, у тех костров сошлись
Русь и Меря, примеряя жизнь.
Это ты, как вал вокруг холма,
Дружбу их сомкнула, Кострома.

Не могли ту дружбу растоптать
Рать Батыя и Мамая рать.
Дружбой той во славу всех племен
Был Сусанин на Руси рожден.

Шли века, но не старела ты,
Обретая мужества черты,
Умывалась волжскою водой
И встречала утро молодой.

Вот такой и виделась ты мне
В приднепровской отчей стороне,
С детских лет в мои вплеталась сны
Вязью старины и новизны.

Глинкой возведен на пьедестал,
Твой Сусаннн земляком мне стал
И, бессмертной музыкой звеня,
Сквозь столетья смотрит на меня.

Потому-то, весь в пыли дорог,
Я легко ступил на твой порог,
Чтоб сказать, как мне велит судьба,
Чем ты сердцу русскому любя.

1965

Все самому начать куда как лестно,
Но я-то знаю, знаю не из книг,
Какой посев достался мне в наследство
От безымянных прадедов моих.

Без похвальбы гордась работой спорой,
С косой в лугу, с серпом ли в поле шли,
Они в себя вбирали каждой порой
Сиянье неба и тепло земли.

Следили, как заря встает над нивой,
Как ловит лес последний отблеск дня.
Все-все, чем я горжусь в строке счастливой,
Они в тиши собрали для меня.

И кланяюсь я им в мой день осенний,
С далекими дорогами знаком...
Что дар поэта? — Опыт поколений,
Заговоривший ясным языком.

1965

НА СМЕРТЬ АННЫ АХМАТОВОЙ

И лесь и клевета —
 какие это крохи,
В сравненье с бременем
 святого ремесла,
Для той, что на ветру
 под грозами эпохи
Честь наших русских муз
 так высоко несла.

1966

Человек себе не изменяет,
Если в спор с самим собой вступает,
Удивляя близких и друзей.
Верным до конца себе остаться
Значит: над собой уметь подняться
По тревоге совести своей.

1966

Может статься, и впрямь
на земле бы не стало чудес,
Если б были у нас
только циркуль, линейка, отвес,
Если б точный расчет
отменил откровенья искусства.
Но всегда мастера
вместе с глиной бросают в замес
Боль и радость души,
сокровенные мысли и чувства.

1966

• • •

Да, ты бесчестным не был никогда,
Но честность тоже разная бывает,
И если доброты ей не хватает —
Она всего лишь мертвая вода.

1966

Хоть выйди ты не в белый свет,
А в поле за околицей,—
Пока идешь за кем-то вслед,
Дорога не запомнится.

Зато, куда б ты ни попал
И по какой распутице,
Дорога та, что сам искал,
Вовек не позабудется.

1966

* * *

Помыслить горько мне:
— Я разум твой, природа—
Когда передо мной
лежит притихший дол,
Где ядовитым стал
священный запах меда
И губит злая пыль
любимиц музыки — пчел.
— Век химии настал,—
трещит мне в уши мода.
О химия, не дай
темнить твой ореол.
Оставь моей земле
святенный запах меда,
Не убивай на ней
любимиц музыки — пчел!

1966

Не от душевного избытка ли
Под ветровую карусель
Холстов крестьянки столько выткали,
Что зимы стелют их досель.

Как стародавние предания,
Все в ярких блестках те холсты.
Есть внучкам-правнучкам приданое,
Чтоб не теряли красоты.

Недаром издавна заведено,
Что свадьбы ладятся у нас,
Когда дары свои заветные
Зима выносит напоказ.

Бери, любая рукодельница,
Крой, примеривай, носи!..
Холсты все стелются и стелются,
И нет конца им на Руси.

1966

Как ни бесятся вьюги, однако
Зимний путь для нас — самый прямой.
От Державина до Пастернака
Русский стих неразлучен с зимой.

Заповедных урочищ обходчик,
Берендейским чутьем знаменит,
Он за темными вешками строчек
Свежесть первых метелей хранит.

Пахнет горечью хвои с морозца...
То не снега ли русского дух?
...О весне у нас лучше поется
После зимних вьюг-завирух.

1966

БЕССМЕРТИЕ

Что я? Сосуд скудельный, горстка праха?
Нет, я зерно, живая связь времен.
Гром топоров и колокольный звон
Я помню от княженья Мономаха.

За мной судьба недаром шла, как сваха.
Стрелой ужален и копьем пронзен,
Я падал в битвах, попадал в полон,
А хлеб мой рос, и пряла лен мой пряха.

Мне на Москве за бунт грозила плаха,
Отходную читал мне дьяк-неряха,
А я все жил, жил со всего размаха,
Кормя Россию и шатая трон.

И верил я, что в руку будет сон.
Сто раз истлела на плечах рубаха,
Пока я снова в муках был рожден,
И потому — гляжу вперед без страха,
С родной землей навеки обручен.

1967

Ясный день мне предвещают зори
Иль к ненастью расстилают дым,—
Русь моя, и в радости и в горе
Верю я, что рос, тобой храним.

Если падал духом я, бывало,
Если жил не поднимая глаз,—
Ты мне песней голос подавала
В самый трудный, в самый горький час.

Я на зов твой шел, душой воспрянув,
Уходя от смутной маеты,
И меня из дебрей и туманов
Выводила на дорогу ты.

Исцеляла мне любые раны
С жита набегающей волной,
Шумом леса, тишиной поляны,
Всем настоящим силы земляной.

Потому, из края в край кочуя,
Я тебя везде узнаю, Русь.
И когда стихи мои шепчу я,
Все тебе, всегда тебе молжусь.

1967

ЛЕСНОЙ ШУМ

Над людскими бедами и славой.
Связь времен незримую храня,
Шум лесов спокойно-величавый
Омывает волнами меня.

Отгоняет суетные думы,
Заставляет вспомнить, что забыл,
Все равно — веселый иль угрюмый
На зеленый берег я ступил.

Прохожу я бором иль дубравой,
Поутру иль на исходе дня,
Мнится мне, что в каждый ствол корявый
Из глубин вошла моя родня,
Над людскими бедами и славой
Связь времен незримую храня.

1968

ДЕРЕВЬЯ

Сиротское детство, чужая семья,
Ни ласки, ни доброго слова.
Казалось, душа очерствеет моя,
В молчанье замкнуться готова.

Но так не случилось. От доли такой,
Когда невтерпеж становилось,
Я в лес убегал, что шумел за рекой,
Судьбе не сдавался на милость.

Была там другая семья мне дана
Под кровом туманно-зеленым.
Там мог без оглядки открыть я до дна
Всю душу березам и кленам.

Я знал, что меня не обидят они,
Глубинные думы лелея,
И, сбросив томительный груз в их тени,
На мир я глядел веселее.

С тех пор не одну перешел я межу,
Давно седина серебрится,
А чуть затоскую — и в лес ухожу.
Березам да кленам открыться.

1968

Нам обострили зрение грозы века.
Мы научились прошлое читать
И без ошибки узнаем печать,
Которой время метит человека.

Судьба любая ею скреплена
С эпохой, но, ее не отвергая,
Живем мы тем, что есть печать другая,
Которой люди метят времена.

1968

Я вкус подсохшей хлебной корки
В вас ощущаю каждый миг,
Пословицы и поговорки,
Заветы прадедов моих.

Они вас замесили круто,
Чем край благословил родной.
Вы правда их и потому-то
Питательны, как хлеб ржаной.

1968

* * *

Кто вправду любит родину свою,
Тому любовь глаза не затуманит,
Тот свысока глядеть в чужом краю
На любящих иную даль — не станет.

1968

ГРАНЬ

Мне нынче шестьдесят.
За эту грань годов
Я б взять с собой хотел
Не все из нажитого,
А только то, с чем встать
Перед судьбой готов,
Чего б искал везде,
Начни свой путь я снова.

Не стану говорить,
Что мне не жаль трудов,
Истраченных на то,
Что сам сужу сурово,
Но с жаждой чистоты
Гляжу за грань годов
И взять с собой хочу
Не все из нажитого.

1969

СОДЕРЖАНИЕ

О себе Н. Рыленков	5
«Небо к ночи облаками пенится...»	17
«Перепрели апрельские прели...»	18
«Сердце, сердце, не будь бестолковым...»	19
«В васильковых очках июня...»	20
«Цвети кувшинки над водой...»	21
Толока	22
«Нынче ветер, как мальчишка весел...»	23
«Перелески, зелены да пажити...»	24
Ивовая дудочка подпаска	25
«Я не знаю — близко или далеке...»	26
«В голубом дыму кусты сирени...»	27
«Не достать ведерком из колодца...»	28
«Заря в зеленых сумерках погасла...»	29
На лыжах ночью	30
Отрывок	32
Конь	33
«Свежей пашней пахнут наши зори...»	35
«Дни все ярче, но сентябрь хитер...»	36
«Русы косы заплетает осень...»	37
Лето	38
«Стекает кровь зари на лед...»	45
Постоянство	46
«К погоде купается месяц в пруду...»	48
«Капель прозрачные кисти...»	49
Елена Прекрасная	50
Новоселье	51
«Вновь калина над речкой уснувшей...»	52
«Ты нерасцветший колос подняла...»	53
«Застывшая за ночь, звенела дорога...»	54
«Бродит ветер по болоту...»	55
Тюнино	57
«Возле дома, мимо сада...»	59
Ломоносов	60
«За Днепром, на древнем городище...»	61
Встреча на пути в Арзрум	63
«Когда тебе в беде изменит друг...»	65

«Из камня высеченный идол...»	66
«Вот снова кукует кукушка...»	67
«Ради встречи нашей, ради...»	69
«Чуть дымятся луговые плесы...»	70
«Из-под кленового весла»	71
«Цветет жасмин. От белых звезд...»	72
«Смешался с запахом смолы...»	73
«Мерцают звезд разорванные звенья...»	74
На пасеке	75
«Вновь сентябрь поджигает сухую листву на осинах...»	76
«В рассол для огурцов кладут пучок укропу...»	77
«Столетний дуб у перекрестка...»	78
«Августовской ночью на поле...»	79
Некрасов	80
«В краю нелюдимом, на хуторе тихом...»	82
«Морозы — декабрю, метели — февралю...»	83
Свадьба Марины Мнишек	84
«Мне нравится искусство бочара...»	87
«Голубоватый предвечерний зной...»	88
«Дождь, по кустам пробегавший и падавший...»	89
«Вечерний ветер, тише вей...»	90
«В дни лета, когда поспевает малина в бору...»	92
«Приближалась гроза. Августовского зноя настоя...»	93
«Не оторвешь подошв горячих от земли...»	94
«Еще дороги не пылят...»	95
«Утром в поле просторном не счесть паутин шелковистых...»	96
«Вот и август прошел. Пахнут смутные сумерки тмным...»	97
«Зима, закат, сторожка лесника...»	98
«Калужские швецы по первопутку...»	99
«На огородах срублена капуста...»	100
«Дымком обвитый светло-серым...»	101
«Зима сняла на пруду...»	102
«Воспоминаний юности не тронь...»	103
Отрок с уздечкой	104
«Весну в тени деревья спрятали...»	107
Триптих	108
«Я вспомню детство и увижу поле...»	111
«Тоски любовной горький мед...»	113
«Заря прозрачна, как намек...»	114
«На рассвете проснуться и, выпив стакан молока...»	115
Первый снег	116
Прощание с юностью	117

Левитан	119
«Зима и детство. Вечер длинный...»	123
«Он с финского фронта вернулся в село...»	124
«Небо в звездах, словно полный улей...»	125
«Нет, не спится! Я вышел из душной землянки...»	126
«Прошедшим фронт, нам день сочтется за год...»	127
«Мы на войне подумали о многом...»	128
«Нет, мы не стали здесь сентиментальней...»	130
Стихи о России	131
«Россия! Мы всюду твердим твое имя...»	133
Русская земля	134
Из дневника	136
«Командир батальона читал до зари «Илиаду»...»	138
«Бой шел всю ночь, а на рассвете...»	139
«В суровый час раздумья нас не троньте...»	141
Наводчик	142
Горькая весна	143
Солдатский тост	144
«Ветер боя кусты завертит...»	146
Русская песня	147
«Когда верхи деревьев горят...»	149
Лада	151
«Была деревня сожжена дотла...»	153
«Шумят, цветут лесные травы...»	155
«Письмо и карточка в конверте...»	156
Новый дом	157
«В переулке пустынном, в бревенчатом домике...»	159
«Ты помнишь лето под Смоленском...»	160
Память	161
«Крутые росстани в тумане...»	162
Мать	163
«Как могут эти дни забыться...»	165
Русская дорога	166
Отчий край	169
Кутузов в пути	171
«Придя в степи закладывать завод...»	173
Надпись на книге	174
День встречи	175
«Здесь шла война, и воздухом легенд...»	182
«Тени летят с косогора...»	183
«Опять в лугах цветет магь-мачеха...»	184
У братской могилы	185

«Вернулись мы с полей войны...»	186
«В ельнике, в сосоннике...»	188
«Затерялся в пойме где-то...»	190
«Пережитым потрясены...»	192
«В юности мы спрашивали часто...»	193
«Золотое облако зноя...»	194
Наступление весны	195
«Снова нам весна глядит в глаза...»	198
«Мы помним все: дороги отступлений...»	199
«Пока влекут тебя дороги...»	200
Счастье	201
«Мы прощались с близкими в надежде...»	202
Семена	203
«Благословенна отчая земля!..»	204
«Взойди на древний холм и оглянись кругом...»	206
«Есть поговорка русская Она...»	207
«В тот день, ты помнишь, сели овес...»	208
На покосе	210
Первый дождь	211
Ходит по полю девчонка	213
«Не ходи ты, кудреватый...»	215
«Когда в родных полях пшеница...»	216
«Когда в Москве, в концертном зале...»	217
«Когда я рассматриваю в музеях...»	221
«Мой дед всю жизнь молчал сурово...»	224
«Казалось мне, я знаю...»	226
«Дана нам щедрость — высший дар...»	227
«Когда дождусь я от тебя привета...»	228
Иней	230
Дубок	231
Варакушка	232
«На рассвете в апреле в березовой чаще...»	233
«Луга мои поемные...»	234
«Под окном шумит рябина...»	235
«Всегда задумчива, скромна...»	236
«Веселый вестник ливней вешних...»	237
«Да, мы с детства богаты упорством!..»	238
Музыка	239
«Февраль... Теплом дразнить он рад...»	242
«Ранним летом в кустах лозняка соловьи...»	244
«Теплый ветер края родного...»	245
«Встань на рассвете, слушай и молчи...»	246

«Красна рябина, да горька...»	247
«У наших зим — особенная прелесть...»	248
«Все богатства русского пейзажа...»	249
«Все мне снится: поспевает рожь...»	250
«Звенит берез осенних грусть...»	251
«Сумерки. Рябиновый закат...»	252
«Я помню руки матери моей...»	253
«Как мне родных полей не знать...»	254
«Вновь сквозь дым паровоза...»	255
«Я не играл словами, помня...»	256
«Летней ночи легкое дыханье...»	257
«Все в тающей дымке...»	258
Встреча в степи	259
Андрей Рублев	261
«Я не спрашивал — как и к кому...»	262
«Не упрекай, что сердцем я прирос...»	263
«Пускай угрюмые догматики...»	264
«Кто не был захребетником у века...»	265
«Сугробов блестящие слюдяные...»	266
«На звон и вес испытывать слова...»	267
«Мне по сердцу ясность...»	268
«Чтоб в глаза тебе время глядело...»	270
Надпись на старинной книге	271
«Куда ни посмотришь — родные...»	272
«Я не знаю своей родословной...»	273
«Как дерево, что кроной все упорней...»	274
«Я не знаю: откуда пришла и куда ты уйдешь»	275
«Я знаю, ты встанешь...»	276
«Как мне жалко людей, про которых...»	277
Гоголь в Риме	278
«Лес шумит и звенит...»	280
«Много ль мне нужно — краюшка хлеба...»	281
«Я не гордец, но тем не менее...»	282
Открою я томик Кольцова	283
Творчество	285
«Сердце, что ль, мое безрассудное...»	290
«Пишет девушку в поле художник...»	291
«Стога, стога в лугу рассветном...»	292
«Не собирал я редкие словечки...»	293
«От рифмы, как от детской погремушки...»	294
Хлеб	295
Совесть	296

«Дни пролетья. Тишина межпарья...»	297
«Все до поры до времени копим...»	299
Поэзия и жизнь	300
«Есть пора завершения работы...»	305
Орловская весна	306
Байкальская элегия	308
«Архитектор ты иль ваятель...»	310
«Мы проникаем в гайники природы...»	311
«Я помню долг свой пред тобой, Россия...»	312
«Мне звук родного слова дорог...»	313
Земля	314
Из стихов о детстве	315
Пчела	316
Ярославна	317
К портрету Ломоносова	318
Звание поэта	319
Мера	320
«Я не из тех, кто рад предать забвенью...»	321
«Сын возмужавший нежностей стыдится...»	322
«Я, признаться жить хотел бы долго...»	323
«По дороге на Кара-Даг...»	324
Тициан Табидзе	325
Верность	326
«Как монотонно лес шумит в тиши...»	327
«Не оставили деды портретов для нас...»	328
Мастер Федор Конь в Смоленске	329
«Мужавший на сквозном ветру...»	330
«Мы всюду ищем времени приметы...»	331
«Не презирай высокомерно истин...»	332
«Позабуду ль, как сладко мне в детстве спалось на со- ломе...»	333
«Кто по росе не замочил колена...»	331
«Придет и микет срок цветам в лугу...»	335
«Какое счастье, старый друг...»	336
«Люблю нехитрый ваш уют...»	337
Космонавты	338
«В глухой степи, на месте древних сеч...»	341
«Земля стара, а жизнь всегда нова...»	342
Надпись на портрете	343
«Разум и совесть — отец и мать...»	344
Снегири	345
Праздник зимы	346

Дай припасть к руке твоей, Россия	347
«Кому какой дается жребий...»	348
Поэт	349
«Тот, кем взлелеян каждый плод...»	351
«Душа стремится вглубь, к первоосновам...»	352
Есть в Кижах собор	353
«Борьба с природой? Нет, мне странно слышать это...»	354
«О таинства великие природы...»	355
Кострома	356
«Все самому начать куда как лестно...»	358
«Что есть гражданственность? — не надо вопрошать...»	359
На смерть Анны Ахматовой	360
«Человек себе не изменяет...»	361
«Может статься, и впрямь на земле бы не стало чудес...»	362
«Да, ты бесчестным не был никогда...»	363
«Хоть выйди ты не в белый свет...»	364
«Помыслить горько мне: — Я разум твой, природа...»	365
«Не от душевного избытка ли...»	366
«Как ни бесятся вьюги, однако...»	367
«Ясный день мне предвещают зори...»	369
Бессмертие	368
«Ясный день мне предвещают зори...»	369
Лесной шум	370
Деревья	371
«Нам обострили зренье грозы века...»	372
«Я вкус подсохшей хлебной корки...»	373
«Кто вправду любит родину свою...»	374
Грань	375

Тексты стихотворений печатаются по изданию: Николай Рыленков. Избранные произведения в 2-х т. М., «Художественная литература», 1974; стихотворения, не вошедшие в двухтомник, — по последним прижизненным изданиям поэта; вступительное слово «О себе» по изданию: Николай Рыленков. Стихотворения и поэмы в 2-х т. М., Гослитиздат, 1959.

Рыленков Н. И.
P95 Отчий край. Избранные стихотворения.
Сост. В. В. Дробышев. М., «Сов. Россия»,
1977.

384 с. (Земля родная).

Известный советский поэт Николай Иванович Рыленков (1909—1969), мастер стиха, один из основателей «смоленской школы» — народного направления в современной поэзии, активно работал в ней до последних дней своей жизни. Н. Рыленкову принадлежат пейзажные стихи и исторические повествования, лирическая проза и поэтический перевод «Слова о полку Игореве».

Н. Рыленков хорошо знал и горячо любил русскую деревню. Рисую характер русского человека-труженика, поэт подчеркивает его жизнелюбие и жизнестойкость, мудрость и доброту.

В стихотворениях, включенных в настоящий сборник, живет чувство родной земли и родства с людьми деревни, чувство гражданского долга.

70402—208
P M—105(03)77 116—77

P2

Николай Иванович Рыленков

ОТЧИЙ КРАЙ

Редактор Н. И. Нетесина
Художник П. С. Сацкий
Художественный редактор Э. А. Розен
Технический редактор Н. И. Капитонова
Корректор Л. В. Конкина

ИБ № 695

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписано к печати 19/VII-77 г. Формат издания 70×90^{1/32}. Физ. п. л. 12,0. Усл. п. л. 14,04. Уч.-изд. л. 9,79. Изд. инд. ЛХП-48. Тираж 50.000 экз. Цена 1 р. 20 к. Бум. № 1 типогр. Зак. № 205.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

СЕРИЯ «ЗЕМЛЯ РОДНАЯ»

В 1977 году выйдут в свет книги:

А. Неверов	Избранное
М. Пришвин	Родники Берендея
М. Шолохов	Поднятая целина
Б. Можжев	Живой

